

О.КАСАТКИН

В.ЛЕЩЕНКО

ДОЧЬ САМУРАЯ.
Ветер судьбы

Дочь самурая

Владимир Лещенко

Дочь самурая. Ветер судьбы

«Автор»

Лещенко В. В.

Дочь самурая. Ветер судьбы / В. В. Лещенко — «Автор»,
— (Дочь самурая)

Мир, похожий на наш и непохожий – еще одна ветвь на великом древе миров. Почти такой же, как наш – и совсем другой. Люди трудятся, любят, строят планы на будущее. Читают стихи Гумилева и смотрят танцевальные шоу и аниме. ...Социалистический союз охвативший Африку и Латинскую Америку. Сатанисты, почти захватившие Калифорнию. Королевство Квебек на месте Канады. Российская Империя, избежавшая революционной смуты. Япония ставшая вернейшим союзником России. Константинополь, ставший столицей православной державы от Балтики до Тихого океана. Дочь самурая – ставшая невестой императора всероссийского и японской принцессой. И кому как не ей скрестить меч с врагами Веры, Царя и Отечества?! Но значит ли это, что ее собственная участь ей абсолютно покорна? Играя с судьбой, важно найти путь к победе, не упуская свой шанс – даже если он – один из тысячи. А еще – не дать шансы когда то побежденному злу воскреснуть.

© Лещенко В. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Лещенко, Олег Касаткин

Дочь самурая. Ветер судьбы

Когда мы боремся, Господь побеждает
А.В.Суворов

Пролог

«Знаменитый монах однажды сказал, что тот, кто правит людьми, должен быть подобен двум буддийским божествам – Фудо и Айдзэну. Хотя Фудо держит в руках меч, а Айдзэн – лук со стрелами, эти предметы отнюдь не предназначены для ударов с плеча и стрельбы, но лишь для успокоения злых духов. В сердцах этих божеств живут только сострадание и осмотрительность. Подобно им, правитель должен прежде всего очистить свой собственный путь и лишь затем вознаградить своих преданных вассалов и воинов и уничтожить среди них тех, кто неверен и вероломен. Если вы можете понять разницу между разумным и неразумным, между добром и злом и действовать в соответствии с этим, ваша система поощрений и наказаний может считаться управлением с состраданием. С другой стороны, если ваше сердце полно предрассудков и предубеждений, уже не важно, сколько писаний древних мудрецов вы знаете, – все они превращаются в ничто. Вы можете видеть, что «Речи и суждения» Конфуция содержат следующее высказывание: «Благородный муж, в котором отсутствует стойкость, не может вызывать уважение». Не стоит считать, что понятие «стойкость» означает лишь жёсткость. Самое важное – вести себя таким образом, чтобы жёсткость и снисходительность могли гибко применяться в случае необходимости».

*«Восточная политическая философия и современность» Издание кафедры
японистики Московского императорского университета. 1990 год*

Часть первая

7 ноября 1992 года

Токио, аэропорт Ханэда

8. часов 45 минут.

Ханэда встретила Хикэри пасмурной прохладной погодой с небольшим ветром. В воздухе чувствовалась сырость, вокруг фонарей стояли ореолы, указывающие на туман.

Беспокойство вызывала только погода, которая портилась на глазах. Небо затянули тяжелые темные тучи, и несмотря на то, что уже рассвело, вокруг стоял полумрак.

Как бы не задержали вылет.

– Ваше высочество! – Командир экипажа отдал рапорт Хикэри («Мужчина и офицер ей – простой школьнице!»), – корабль к полету готов. Докладывает командир корабля гвардии подполковник авиации Гладун Петр Васильевич.

Полковник, – Хикэри была несколько заинтересована и решила перейти на русский, – что это за самолет? Я не большой специалист, но таких никогда не видела.

– Этот самолет предоставлен в Ваше распоряжение Его Величеством Императором Всероссийским. Таким образом я Ваш шеф-пилот.

Это новейший сверхзвуковой самолет конструкции Сухого – Су-50. Выпущен на Константинопольском казенном авиазаводе. Дальность около десяти тысяч километров без посадки, крейсерская скорость две тысячи сто километров в час. До Константинополя нам лететь примерно четыре часа.

– Благодарю, господин полковник, – Хикэри направилась к трапу.

Две стюардессы встретили их как дорогих гостей.

Хикэри, Юкки, Ёкота и прикомандированный императрицей к ней президент Тойоты заняли первые кресла. «Серебряные фрейлины» и советник «Тойоты» заняли второй блок кресел. В малом салоне поместились четыре служанки.

Стюардесса закрыла входную дверь. Резко приглушились все доносившиеся снаружи аэродромные звуки, в салоне вдруг становится тихо, дальше только вперед, в небо...

Из динамиков донесся голос командира корабля.

«Ваше высочество Великая принцесса Хикэри, благородная дама Юкки и сопровождающие их лица, командир корабля и экипаж от имени Гвардейского Экипажа военно-воздушного флота Российской империи приветствуют вас на борту сверхзвукового пассажирского самолёта Су-50, выполняющего спецрейс по маршруту Токио. аэропорт Ханэда – Константинополь аэропорт Георгия Великого... Время в пути – четыре часа.

Командир корабля гвардии подполковник авиации летчик 1 класса Гладун Петр Васильевич...».

Дальше стюардесса провела стандартный инструктаж о правилах поведения на борту (не курить, не вставать со своих мест во время набора высоты и снижения, не трогать ручки запасных и аварийных выходов), расположении туалетов, пользования кислородными масками и где находятся спасательные жилеты, оборудовании салона и возможностях пассажирских кресел. Рассказала, что в полете будет предложен завтрак и обед по желанию и напитки. Потом попросила привести спинки кресел в вертикальное положение и застегнуть ремни.

Потом включили спокойную музыку.

...С момента, как пассажиры расселись, прошло уже, наверное, полчаса или больше. А за окнами стало ещё темнее. Видно, что Ханэду накрывает свинцовая туча.

«Начинается снегопад – как полетим?».

Звука взлетающих самолетов не слышно, открыт ли аэропорт? Темно, но снегопад вроде несильный. И вот Хикэри заметила движение за иллюминатором: впереди и справа появились

специалисты технической команды. Кто-то стоит, кто-то исчезает под крылом и опять возвращается, и все они посматривали куда-то в сторону двигателей. Что-то будет?

Наконец, свершилось. Примерно через час после их посадки в самолёт где-то позади послышался мягкий нарастающий звук запускаемого двигателя. Потом остальных. Начало запуска уловить сложно.

Через несколько минут все уже ощущали ровный хор трех двигателей сверхзвукового, работающих на малом газу. Так продолжается ещё некоторое время. За окнами мрачнело т ещё больше, и с неба обрушивались снежные заряды.

И тут в динамиках над пассажирскими креслами раздался громкий и уверенный голос.

– Говорит командир корабля полковник Гладун. Ждем прекращения снегопада. Ориентировочное время ожидания тридцать минут.

Примерно через полчаса снегопад действительно начал стихать. Стюардессы снова попросили застегнуть ремни и не вставать со своих мест. «Стартовая» команда по-прежнему возилась у самолёта. Нарастание шума двигателей. Самолёт мягко страгивается, потом, как положено, притормаживает, дальше режим двигателей снова увеличивается... Самолет притормаживал, не раз поворачивал влево и вправо. В иллюминаторе периодически возникали фигуры техников, которые наблюдали запуск двигателей. Оказывается, они не остались на стоянке, а пешком сопровождают самолет на всём протяжении рулевой дорожки, конечно, находясь на почтительном расстоянии..

Наконец, сверхзвуковой тронулся с места и вырвался на полосу. Снова Хикэри заметила провожатых из «стартовой» команды, теперь их осталось два человека, наблюдают естественно издали. Самолёт медленно развернулся «через правое плечо», проехал какое-то расстояние по оси ВПП и снова замер.

Самолет стоял так примерно около пары минуты. Потом двигатели вывели на взлетный режим. К взлетному режиму самолет подобрался не сразу: мощно увеличив тягу, остановился. Так постояли тоже минуты две. Потом звук двигателей снова начал нарастать. По характеру он напоминал звук старта космического корабля, не раз виденный Хикэри по телевизору. Стало понятно, что это включился форсаж. Прошла примерно минута работы на максимальном режиме, после чего Су-50 начал разбег.

Страгивание происходило двумя рывками: первый слабый, второй уже ощутимый. Скорее всего, это было небольшое «рыскание» самолета по курсу. То ли одна стойка тормозилась на доли секунды раньше другой, то ли под одной из них оказался более влажный участок ВПП – снег недавно закончился, то ли это обычная реакция стоек шасси на снятие самолета с тормозов. Примерно через две секунды – второй, более сильный рывок, будто удар креслом в спину, и они понеслись вперед по бетону. На протяжении всего разбега ускорение не уменьшалось. Момент отрыва оказался почти незаметен, это стало заметно, когда в иллюминаторе замелькали туманные струи, и самолет почти сразу вошёл в плотную облачность. Сверхзвуковой начал набирать высоту с таким колоссальным углом тангажа, что у Хикэри было полное ощущение, что она сидит в стартующем космическом корабле: ноги выше головы, грохот ревущих двигателей и перегрузка, которая длилась, по ее ощущениям, две-три минуты после отрыва.

Постепенно давление в спинку кресла стало уменьшаться. Угол набора высоты тоже снизился. Самолет в это время проходил плотную облачность, за окнами было совсем темно. В пассажирском салоне, горели только табло и аварийные светильники. Где-то минут через пять после взлета облачный слой сверху стал светлеть. Но верхняя граница облачности никак не наступала, самолёт продолжал набор в светлом облачном «молоке».

Облачный покров, над которым летели, простирался так далеко внизу, что казалось, что он почти лежит на земле. Особенно это было заметно там, где в разрывах облаков виднелась земля и тени от облаков, почти совмещающиеся с самими облаками. До них – целая бездна пространства, залитая ослепительным светом Солнца. Настолько ярким, что долго смотреть даже вдоль горизонта невозможно. А еще на высоте восемнадцать километров у неба был какой то особый темный цвет: светло-голубые оттенки вблизи горизонта довольно быстро переходили в фиолетовые. А еще дальше вверх начинала проступать натуральная чернота. Таким небо видят космонавты и астронавты, таким увидел его еще не князь а штабс-капитан Гагарин сквозь крошечные иллюминаторы своего немудрящего крошечного «сокола» – бездонный купол черно-фиолетового цвета.

Довольно скоро после набора высоты разнесли напитки – традиционную минеральную воду, соки и лимонад.

Потом пришло время завтрака.

Хикэри с любопытством посмотрела меню.

Из холодных закусок предлагались:

Говядина «брезаола», индейка, сыр «Тет де муан» и свежие фрукты;

Форель и палтус с красной икрой и сливочным сыром;

На горячее были.

Омлет с томатами, сыром сулугуни и петрушкой с сырным соусом;

Ростбиф с грибами шиитаке и сладким перцем с бальзамическим соусом. Блины с клюквенным соусом; Каша пшенная с тыквой и кедровыми орешками; Лосось с черным рисом и фасолью с соусом керри; Бефстроганов с перловой кашей, перцем гриль и морковью;

Десерт был скромнее:

Ванильное мороженое с брусничным или клюквенным соусом;

Пирожное Прага с вишней;

Пирожное кофейное «Трио» с безе.

Хикэри выбрала себе говядину, пшеничную кашу, «пироженку» с вишней и бутылочку рейнского сухого.

Юкки собрала себе рыбный завтрак-форель и лосось.

Вино брать не стала и ограничилась лимонадом. (Правда потом попросила еще и мороженое).

Было еще шесть видов свежавыжатых соков.

Коньяк был шустовский (тайи неторопливо выщедил стопку коньяку с видом абсолютно довольного жизнью человека)

Кроме рейнского белого вина было еще токайское.

Старшая стюардесса извинилась за скудный выбор.

– Мы не имели информации, что Ваше высочество предпочитает и загрузили стандартный набор!

И твердо пообещала что в следующий раз Великая принцесса и благородная леди будут получать завтраки и обеды по своему вкусу.

Порции были приличные и Хикэри решила перенести обед во Дворец Огня.

А пока заранее перевела часы на время Константинополя-минус восемь часов.

Прошло уже почти четыре часа в полете. Шум двигателей уменьшился. Бортпроводник с манерами морского пехотинца сообщил:

– Наш самолет приступил к снижению. Просьба всем пристегнуть ремни.

Су-50 пошел на снижение. Это было как легкое и быстрое движение под горку..

Сверхзвуковой снижался очень мягко и по большому счету незаметно. То, что высота довольно быстро сократилась вдвое, стало понятно по цвету неба, ставшему более привычным.

Константинополь встречал Хикэри хорошей погодой с небольшой высокой облачностью, почти не заслонявшей синеву неба.

Я вернулась домой?... Я вернулась? Домой?

7 ноября 1992 года

Российская империя

**Служба космической разведки Военного министерства
утро.**

Все ждали поступления данных. Разведывательный спутник «Сапфир 1101», находившийся на орбите, приближался сейчас к Японии, и его камеры были запрограммированы таким образом, чтобы сфотографировать один небольшой участок долины. При внимательном изучении им уже удалось обнаружить весьма любопытное обстоятельство. За время, прошедшее между пролётами «Сапфира» и «Изумруда» из виду исчезло около пятидесяти метров железнодорожного полотна. На фотографиях виднелись опоры, используемые для подвески контактной сети, необходимой для электровозов, однако сама контактная сеть отсутствовала. Возможно, опоры были установлены для того, чтобы ветка, уходящая в сторону, казалась самой обычной для пассажиров скоростного поезда, курсирующего между Токио и Осакой, – ещё одна попытка скрыть что-то на глазах у всех.

– Видите ли, если бы они просто оставили все как есть... – задумчиво произнёс инженер из МПС, снова посмотрев на фотографии – то мы бы скорее всего ничего не нашли. Но они хотели сделать все ещё лучше и потому поступили хитроумно, обманув сами себя.

– А как бы вы поступили, будь на их месте? – отозвался Борис Акакиевич.

– Чтобы спрятать секретную ветку от чужих глаз? Очень просто, – ответил путеец с толикой превосходства. – Я поставил бы в этом месте ремонтный поезд. Самое обычное зрелище, да и места здесь вполне достаточно. Им так и следовало поступить.

«Однако – какая простая ошибка, – подумал про себя разведчик. Впрочем, это не первая».

– И чего же вы ждёте теперь? – спросил инженер.

– Скоро увидите.

Разведывательный спутник, выведенный на орбиту восемь лет назад тяжелой ракетой «Енисей», функционировал на пределе запланированного срока.

Орбита спутника проходила с северо-запада на юго-восток и отклонялась при пролёте над этим районом Японии всего на шесть градусов от вертикали, – достаточно, чтобы заглянуть прямо в долину. Наблюдатели собрали уже массу данных. Река, пересечённая сейчас плотинной гидроэлектростанцией, прорезала хребет, образовав глубокий каньон. Когда принималось решение о размещении здесь пусковых шахт для баллистических ракет, решающим фактором были крутые скалистые стены ущелья. Ракеты можно запускать вертикально, но чужие боеголовки не смогут попасть в них из-за гор на востоке и западе. Чьи это боеголовки, не имело значения. Форма и направление ущелья охраняли пусковые шахты. Наконец, река прорезала узкий глубокий каньон в гранитном массиве. Таким образом каждая пусковая шахта охранялась естественной броней.

Сигналы с «Сапфира» передавались на геостационарный спутник «Орел», застывший на геостационарной орбите над Индийским океаном, и оттуда поступали на станцию в Симферополе... Первые изображения, появившиеся на экране, ещё не будут подвергнуты компьютерной обработке, улучшающей их качество, но, надеялись они, окажутся достаточно чёткими

для первоначальной оценки. Дорошин снял первый лист с факса и положил его на стол под яркой лампой, рядом с обычной визуальной фотографией того же района.

– Итак, что же вы видите?

– Вот главная колея... а, понятно, разрешающая способность не позволяет увидеть рельсы, они слишком узкие, вместо рельсов мы видим шпалы, верно?

– Совершенно точно. – Борис Акакиевич нашел ветку, отходящую от главной магистрали. Бетонные шпалы в двадцать пять сантиметров шириной давали чёткий отраженный сигнал и выглядели на радиолокационной фотографии как полоска из множества крохотных поперечных чёрточек.

– Железнодорожная ветка ведёт прямо в долину, правда? – Лицо инженера из МПС опустилось почти к самой бумаге. Он вёл кончиком ручки по вспомогательной колее.

– Это железнодорожная ветка, которая не имеет никакого смысла с коммерческой точки зрения. Она идёт в никуда, а потому не приносит прибыли. Это не запасной путь, предназначенный для обслуживания главной колеи, для этого он слишком длинный.

– Один поворот, другой. А это что? – спросил он, касаясь карандашом группы белых кружков.

Дорошин положил на лист маленькую дубовую линейку.

– Батенька – вы гений!

– Расположены вдоль дороги. Здорово они придумали, а? Должно быть, на строительство ушло целое состояние.

– Удивительная работа, – с восхищением выдохнул Дорошин. Железнодорожная колея поворачивала влево и вправо, и через каждые двести метров виднелась пусковая шахта, не больше чем в трех метрах от линии поперечных чёрточек бетонных шпал. – Кто-то здорово это продумал.

– Что-то не понимаю, о чём вы говорите, – недоуменно заметил инженер.

– Пусковые шахты размещены таким образом, – объяснил Подрысный. – Что, если вы попытаетесь нанести по стартовому комплексу ракетный удар, первая же попавшая в цель боеголовка выбросит в воздух такое количество скальных осколков, что вторая будет сбита ещё в полёте.

– Значит, для уничтожения нельзя воспользоваться ядерным оружием – по крайней мере это окажется непростой задачей, – подытожил Дорошин, который уже мысленно обдумывал черновой вариант отчёта, который они представят руководству ОСВАГа. – Но так или иначе – мы нашли то, что искали.

С НОВОСТНЫХ ЛЕНТ

Мировая звезда бурлеска, русская Мата Хари – так называют Анну Карсавину – возвращается в Москву со своей новой программой Ladies Of Burlesque после турне по европейским столицам. Теперь в ее планах кроме Москвы – Екатеринбург, Нижний Новгород и Красноярск. Зрителям обещаны сюрпризы. «Когда-то я ужасно любила японскую моду, затем стиль винтаж. Но в итоге пришла к тому, что мой стиль – «Русские сезоны», Belle Epoque, 1910-е годы...» – сообщила г-жа Карсавина корреспонденту ИТАР

Парламент Великобритании несмотря на протесты МИД Империи Цзинь, принял закон о признании сепаратистов Юга Китая, объединенных в «Небесное Единство», как воюющей стороны.

Дели. Индийская империя
В Красном Форте открылась ежегодная выставка картин индийских художников посвященная Н.К. Рериху.

В Копенгагене и в присутствии членов Шведского королевского дома и товарища министра иностранных дел России В.Н.Чичерина – а также князя императорской крови Сергея Владимировича, состоялись траурные мероприятия памяти датской монаршей семьи, жестоко убитой троцкистами и предателями в 1944 году. Смерть несчастных, виновных лишь в родстве с российской императорской фамилией – живое напоминание о том – что такое фанатизм социальных доктринеров и куда он ведет, – произнес в траурной речи Сергей Владимирович. И тем кто жалеет о жертвах Парижа – надо помнить – что они случились после целых гекатомб жертв парижан.

Вестник Европы

7 ноября 1992 года
Российская империя
Константинополь
Аэропорт им. Георгия Великого

Хикэри вышла из двери самолета, спустилась с трапа и в сопровождении Юкки двинулась к встречающим.

От группы отделились два японца которые направились ей навстречу.

– Доброе утро Ваше высочество! – пожилой благообразный японец был исключительно доброжелателен, – я граф Коичи Утида, посол империи Ямато в России. Для меня большая честь приветствовать вас, Ваше Высочество, и вас, Ваша Светлость, на земле Вечного Города.

– Я тоже весьма рада. Надеюсь наше пребывание на земле Второго Рима будет удачным. Мы обсудим задачи стоящие перед нами после прибытия во Дворец Огня, – Хикэри перевела взгляд на офицера в мундире лейб-гвардии Японского полка.

– Поздравляю Ваше Высочество с прибытием на российскую землю. Майор Александр Фукуяма к Вашим услугам, по повелению Его величества я отвечаю за Вашу безопасность здесь в Константинополе и являюсь старшим группы вашей охраны. Надеюсь мы с сёса Ёкота сработаемся.

- Я тайи, – Кохэку был удивлен.
- Его Величество присвоил Вам звание сёса досрочно, – посол был немногословен, – новый мундир и новые погоны ждут Вас во Дворце Огня.
- Поздравляю сёса, – Юкки решила обратить внимание и на себя. – Я рада что ваша преданность империи была оценена по достоинству.
- Благодарю вас, Ваша Светлость, – невозмутимость Ёкоты дала маленькую трещину. Хикэри поздоровалась с супругой посла, помахала рукой встречающим девушкам из числа местных японцев и приняв от них большой букет погрузилась с ним в машину.
- Юкки достался букет поменьше, но пожалуй более элегантный.
- Четверка лимузинов АМО-114 сорвалась с места. Полицейский эскорт включив сирены пошел впереди.
- Майор, остановите у памятника принцессе, пожалуйста, – обратилась Хикэри к Фукуяма.
- Это не предусмотрено правилами охраны.
- Привыкайте майор, сёса вам подтвердит, что я сама определяю правила, поворачивайте к мемориалу.
- Машины свернули к монументу и остановились на небольшой площадке у памятника. Охрана заняла места по периметру и сёса открыл дверь автомобиля.
- Выйдя из машины Хикэри подошла к памятнику. Фрейлины встали сзади держа подаренные букеты.
- Кому посвящен этот мемориал? – Юкки неслышно встала рядом.
- Тут в августе 1984 года рухнул самолет принцессы Маргариты Прусской, невесты Его Величества. Она была сестрой нынешнего кронпринца Фридриха. Причины катастрофы так и не были определены. Погибли все. В память о своей невесте император приказал построить мемориал.
- И поэтому он до сих пор не избрал ту которая наденет корону России?
- Наверное, но думаю ты сможешь у него сама об этом спросить. А пока давай разберем букеты и положим цветы к мемориалу в память о той девушке. – Хикэри вспомнила как ее первый раз мама привела сюда.
- Это было так давно.*

Спустя несколько часов Дворец Огня

Дворец Огня (Чираган) изначально представлял собой творение придворных зодчих Бальянов, стремившихся европеизировать османскую архитектуру в направлении стилизации монарших резиденций XVIII века. Строительство велось с 1863 по 1867 годы. Во дворце проходили первые заседания парламента Османской Империи.

В мае 1918 года во время штурма Константинополя русскими войсками полудеревянный дворец сгорел. Он оставался в таком состоянии до 1939 года, когда был подарен Императорскому Дому Японии. Восстановлен в 1939-44 гг. Резиденция Императорского Дома Японии в Константинополе.

Из «Большого путеводителя по Константинополю»

Вдоволь наплававшись в бассейне дворца (хорошо иметь собственный бассейн на свежем воздухе с подогревом) Хикэри поднялась в свои апартаменты.

К своему неудовольствию обнаружила на столе большую пачку документов к предстоящему Великому Совету Альянса.

Через полчаса сидения за столом и чтения документов она поняла, что ей все это не нравится.

– К Вам Ее Светлость леди Юкки, Его Превосходительство посол граф Коичи Утида и советник императрицы господин Дейчи Масуда, – в кабинет заглянула дежурная фрейлина.

– Проси, – Хикэри зачем-то поправила стоящую на столе малую императорскую печать.

– Граф скажите тут все документы для меня или еще что-то есть? – спросила Хикэри у посла.

– Тут все документы которые пришли на ваш адрес из Большого дворца. Riskну предположить что остальное объяснит Вам Его Величество при личной встрече.

– Исходя из того, что я тут прочитала, понятно что мы переходим к агрессивной политике, направленной на уничтожение трех не нравящихся нам государств. Фактически Россия и Германия предлагают Японии поучаствовать в игре под названием «превратим весь мир в огонь». Я понимаю, что коварство Англии, которую Альянс собственными руками поднял из небытия, заслуживает самой суровой кары. Но я не очень понимаю за что остальных.

– Я думаю, – осторожно попытался успокоить ее Утида, – Вы все можете выяснить у императора. Могу лишь добавить что в общем решение согласовано с императрицей.

– Посол, в Городе и на Совете Альянса нахожусь Я, – Хикэри ощутила что злится, – вы видите что у меня стоит на столе?

– Да, Ваше Высочество, – Дейчи коротко поклонился императорской печати.

– Так вот МНЕ Его величество Великая вдовствующая Императрица-регент не приказывала все подписывать, не обсудив с Россией и Германией интересы Японии. Она могла мне просто приказать подписать, но она этого не сделала. Следовательно решения буду принимать Я. Разумеется по согласованию с императрицей.

Поэтому я поручаю Вам, Ваша Светлость, и Вам, советник, просмотреть документы и дать мне заключение о том как нам учесть более правильно интересы нашей страны.

9-го вечером мы собираемся для детального обсуждения нашей позиции. Посол – вы для этого мне не нужны.

– Хорошо Ваше Высочество, но есть одна маленькая тонкость. В Городе находится сиккэн и судя по всему он ожидал, что будет главой делегации.

– Кэйтаро, – почти прошипела Хикэри, нажимая на кнопку вызова фрейлины – договоритесь с ним о встрече на завтра господин посол, я ему все сама объясню и мне надо ему кое-что вернуть.

Вызовите сёса и старшего моей охраны майора Фукуяму, – бросила она появившейся в дверях фрейлине.

– Будет исполнено Ваше высочество, но только что мы получили письмо императора на Ваше имя, – фрейлина протянула Хикэри запечатанный конверт с вензелем императора.

Пока принцесса читала письмо все присутствующие с любопытством ожидали.

– Юкки, – Хикэри с трудом сдерживала радость, – нас ожидают в Большом дворце в 19.30 на аудиенции в тронном зале дворца Халкеи. Потом ты возвращаешься сюда. Посол, я вас прошу назначить встречу с Сиккэном на завтра на послеобеденное время в Парке Звезд. Ну а вам, советник, самое ответственное – читать и думать. Вечером к вам присоединится Юкки.

– Но Ваше высочество, – граф несколько растерялся, – у нас сегодня вечером запланирован торжественный прием в вашу честь во дворце.

– Ничего страшного, сегодня будет малый прием и на нем будет Леди Юкки, – Хикэри была довольна собой, – а после Совета Альянса устроим торжественный прием и мы с Сумеро Микото его посетим. А еще лучше, если Император согласится, устроим большой бал после приема.

– Это будет очень хорошо и надолго запомнится в столице. – Утида был одобрителен.
– Отлично, вот на этом и порешим. Можете идти господа. Юкки останься, мы поболтаем.
Поклонившись мужчины покинули кабинет.

– К вам сёса Ёкота и майор Фукуяма, – в дверях появилась дежурная фрейлина.
– Зови.

– Вызывали Ваше высочество, – Кохэку уже был в новом мундире.

– Да, сёса, у нас завтра встреча с сиккэном и я хочу отдать ему его вещи, которые мне вручила императрица. Я думаю, что встреча будет завтра в парке Звезд после обеда.

Офицеры синхронно шелкнули каблуками, – будет исполнено Ваше Высочество. Мы обеспечим безопасность.

Это хорошо. Мы с Юкки после обеда хотим прогуляться по императорскому городу. Аудиенция у нас в 19.30 во дворце Халкеи. Так что после обеда мы едем на прогулку.

Доезжаем до Галатского моста, а далее пешком. Я хочу показать Юкки Великий Город.

Майор с сомнением посмотрел на Хикэри, глянул на невозмутимого Ёкоту и пришел к очевидному выводу – приказ старшего – это закон.

– Хотя это и против правил, но Ваше пожелание будет выполнено. Мы обеспечим безопасность. Но мне кажется целесообразным перемещение на электробусе. Прошу вашего согласия на электробус и с вашего позволения мне нужно отдать необходимые распоряжения.

– Конечно майор идите, насчет электробуса вы вероятно правы, – Хикэри потеряв к нему интерес, перевела взгляд на сёса, – Кохэку, вы обедали? Если нет, то я приглашаю Вас присоединиться к нам с Юкки. Я заказала сегодня левантийский обед. Надеюсь он вам понравится.

– А кто такие левантийцы? – Юкки заинтересовалась, – я только вроде что-то в наших учебниках по географии читала.

– О! Это весьма интересно, – Хикэри была рада поболтать о своем родном городе, – до освобождения Города в мае 1918 года левантийцами звали потомков итальянских купцов и ремесленников осевших в Константинополе с момента его падения в 1204 году перед крестоносцами. Было их около десятка тысяч и говорили они на итальянском языке и были католиками. Преимущественно они жили в Галате. При османах старый византийский город был населен турецкой беднотой и там же были богатые армянские и греческие кварталы. Зажиточные османы жили на северном берегу Золотого Рога и вдоль пролива Босфор в районе Галаты, там где стояли новые дворцы султанов. В одном из них мы сейчас находимся. Когда русские войска подошли к границам города армяне и греки подняли восстание и помогли нашим войскам прорваться за стены города. Но каждый шаг за стену давался с трудом – турецкая беднота, которой выдали оружие, сражалась до конца. Мы завтра сходим в диораму Освобождения и ты сама все увидишь. А севернее жители – османы попытались спастись бегством и переправиться из Галаты на другой берег в Азию, но наш флот уже вошел в Босфор. Нам рассказывали что корабли шли через мешанину тел беженцев, пытавшихся на чем попало переправиться через пролив. Босфор стал алым от крови.¹ Глядя на такое толпы бросились в церкви и начали умолять сделать их христианами. Но православные греки отказывались крестить мусульман, католики же совершали массовые крещения, так многие бывшие османы избежали гибели и, смешавшись с старолевантийцами, стали новым народом – левантийцами. Язык у них сейчас турецкий с примесью итальянского, но веру они сохранили католическую. Правда они не признают главой папу и являются независимыми старокатоликами со своей церковью и Митрополитом. Всего их сейчас около четырех миллионов.

---

¹ Если подобное обращение с турками покажется читателю слишком жестоким – напомним что в Османской империи только в 1915 году, вырезали 75 процентов от всего армянского населения (около 1,5 миллиона человек) – это не считая ассирийцев, греков, арабов и т. д.

Сейчас, – Хикэри заглянула в комт, – в Константинополе около девяти миллионов человек, русских более трех миллионов. Остальные это левантийцы, греки, армяне, немцы, много приехало японцев, ну и прочих.

– А зачем они принимали христианство? – Юкки была заинтересована.

– 29 мая 1453 года в день, когда пал Константинополь, – Хикэри вспоминала историю, – когда были проломлены его стены и погиб последний христианский император Византии, перед тем, как начать последний и решительный штурм святого города, османский султан Мехмет II сказал своей армии: «Всё, что в этом городе есть – ваше. Все, кто в этом городе есть – ваши. Со всем и со всеми поступайте так, как хотите. Мне нужны только дома и стены».

2 мая 1920 года цесаревич Даниил, отец нынешнего императора, командовавший штурмом отдал такой же приказ. 9 мая силы зла были сокрушены и свет Христа снова воссиял над Городом.

Хикэри поймала краем глаза удивленный взгляд Ёкоты.

Я ведь говорю о Городе как русская. Черт! Кто же я? Японка или...?

– С тех пор мусульманам проживание в городе запрещено.

Все мечети исламского периода разрушены и на их месте разбиты скверы..

Исключение сделано для нескольких – например мечетей Мимара Синана и Голубой мечети, которые обращены в храмы. Сегодня я покажу тебе бывшую Голубую мечеть, ставшую Храмом Христа.

Прах представителей династии Османов сожжен и развеян гробницы разрушены. Исключение составили мавзолеи Сулеймана, Роксоланы и их сына Селима, они обращены в часовни. Но это уже слишком сложная и долгая история, – Хикэри решила соскочить с темы, благо Юкки вроде ничего не заметила, – пойдёмте обедать. Ёкота, я оставляю императорскую печать в сейфе здесь, не откажите в любезности выставить офицерский пост около кабинета и контролировать его посещение. Под Вашу ответственность.

– Разумеется Ваше Высочество, Кохэку щелкнул каблуками. – все будет сделано.

Когда Хикэри вошла в малую императорскую столовую дворца, она, взглянув на обеденный стол, вспомнила, что именно за таким столом сидели гости у Лариных в пушкинском «Евгении Онегине» – тесно, но дружно.

Это был классический стол больших дворянских помещичьих усадеб, за которым хлебо-сольные хозяева всегда могли посадить даже случайно явившихся, сверх приглашенных, «лишних» гостей. Стол – исполин – широкий, в полтора метра, и длинный – метров на пять, с толстыми, массивными круглыми резными ножками-тумбами примерно по сорок сантиметров в диаметре. Ножек этих было у него восемь. За таким столом свободно помещалась дюжина человек. Торцы стола были обращены соответственно к широким двустворчатым дверям и к еще более широкому, почти во всю стену, окну. Зал был светлый, радостный, всегда наполненный солнцем и во время ранних завтраков и в обеденное время, так как окно выходило на юго-восток. Прислуга принесла суп в больших фарфоровых супницах с половниками, а второе – в глубоких, закрытых блюдах, и удалилась.

– Разливать суп, брать закуски, второе и гарнир мы будем сами, по-домашнему, – Хикэри решила дать Юкки пояснения, – кто сколько хочет и что хочет. Так что не стесняйся. Спиртного Хикэри заказала немного – дамам по бутылке вина, а для Ёкоты коньяк.

Действительно минеральная вода – боржом и нарзан, спиртные напитки – шустовский коньяк и каппадокийское вино стояло в середине и на обоих концах стола в запечатанных бутылках.

На столе уже заблаговременно были выставлены столовые приборы, хлеб, пряности, овощи и грибы. Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Хикэри подошла к судкам, приподняла крышку и, заглядывая туда, вслух для Юкки прокомментировала:

– Ага, суп из египетской чечевицы. Юкки – тебе я думаю он понравится... А тут суп из помидоров. Налью я себе томатного, – Хикэри налила в чашку супа, а затем отнесла ее к столу. Юкки налила себе супа из чечевицы.

– В эти супы пюре удобно добавлять острую специю, называемую по левантийски *ru biber* – хлопья из сушеного красного перца. Приправа на столе.

– Спасибо, сестра, – Юкки с интересом разглядывала вторые блюда.

– Обрати внимание на Императорский шашлык.

– Я ела шашлык... – произнесла Юкки с напускной важностью. В русском ресторане в Йокосуке...

– Такого – точно не едала! Его приготовление – особая процедура! Ведь это особенный шашлык. Для начала требовалось резать ягненка, причем двухнедельного возраста, который еще кроме материнского молока ничего не пробовал. При этом их берут только из определенных мест Грузии. Это подарки грузинских князей столу Императора Всероссийского. Разделывать ягненка требовалось в присутствии врача: малейший дефект на печенке или на легких, и он продукцию не пропускает. Ливер – печень, сердце – все это должно было быть как зеркало. Затем тушку помещали на сутки в холодильник. Только после этого полагалось приступить к приготовлению шашлыка. Меня отец учил, естественно мясо было не то, но вкус был... – Хикэри облизнулась. Так вот... Мясо нарезается кусочками, укладывается в стеклянную посуду, пересыпается мелко нарезанным луком. Затем заливается белым грузинским вином «Цолика-ури». Его присылают вместе с ягнятами. Маринуется мясо где-то часа два. За полтора часа до приготовления выливается в посуду с шашлыком особый приготовленный по дворцовому рецепту кефир средней жирности. Этот кефир тогда отцу дарил повар дворца. За что не знаю. Дарил и ладно. Далее... На два килограмма мяса – литр кефира. За час до приготовления мясо немного подсаливается. Затем нанизывается готовое мясо на специальные мельхиоровые шампуры и жарится. Шашлык подается вместе с *oban salatas* – салатом из овощей с оливковым маслом и винным уксусом.

Еще можно взять на гарнир левантийский *Pilav* – по-нашему тяхан. Я попросила приготовить его по традиционному японскому рецепту с обжаркой в мясе.

– А рыбы нет? – Юкки была несколько разочарована.

– Нет, левантийцы рыбу не уважают, – Хикэри мельком подумала, что Юкки пожалуй заботится о фигуре, – рыба будет завтра я покажу тебе старый город и византийскую кухню. Вот там рыбы и морских обитателей... А сегодня мясо. Мясо! Рекомендую шашлык. От ягнятины не толстеют. Или вот еще: *Iskender-kebab* – нарезанное мясо в томатном соусе или *Adana-kebab* – мелко рубленое мясо, жаренное на вертеле, с овощами-*Domatesli-kebab* – шашлык из помидоров с мясом или *patlicanli-kebab* – жареные баклажаны. Можешь взять *Kfte*.

– Обычные мясные котлетки... – протянула Юкки и взяла... жареные баклажаны.

Ну точно фигуру бережет. Для НЕГО? Наглая!.. А собственно почему бы и нет... Мне не соперница, а лучше она чем эта Йоко – шустрая как ойран под клиентом.

Хикэри за раздумьями сама не заметила, как взяла аж три шампура шашлыка и горку салата.

Ёхоку взял два кебаба и с коньяком спокойно употреблял а девушки запили трапезу бутылочкой вкусного каппадокийского вина «*Turasan*».

...Когда слуги принесли сладкое Хикэри хватило только на мороженое и на то, чтобы дать рекомендации Юкки по выбору сладостей.

Юкки выбрала кинайф – тонкая лапша в сиропе зажаренная на сковородке с несоленым сыром. Сверху он был украшен вкусным мороженым.

Глядя на то, как Юки уплетает вкусняшку, Хикэри почувствовала угрызения совести.

Может действительно рыбу любит, а я сразу подозреваю...

Спустя час

Когда катер отошел от пристани дворца, Юкки обратила внимание, что над городом гордо возвышались три храма.

– Это храмы Святой Софии и Христа Торжествующего, они стоят рядом на одной площади и Храм Святого Духа. – Хикэри добровольно решила стать для Котенка экскурсоводом.

Катер дворца ошвартовался у пристани Валента с южной стороны Галатского моста.

Вместе с Хикэри и Юкки на прогулку отправились шесть «серебряных фрейлин», Ёкота и пара сопровождающих от дворца.

Хикэри сильно подозревала что это далеко не все сопровождающие, но вокруг особо вроде никого и не было.

Около пристани их уже ждал электробус.

Все погрузились в электробус и он покати к площади Святой Софии.

– А ты до отъезда в Японию где тут жила? – Юкки с любопытством глазела в окно.

– Да тут и жила. Я еще с детства привыкла гулять в парке Серальо, что разбит на месте дворца Топкапы.

– А что с ним случилось?

– В 20-х годах Топкапы разобрали и на его месте сделали парк, восстановив до-османскую планировку старого города. Византий стал единственным в мире районом города который является крепостью и в котором обитает в основном знать империи. Мой отец служил в императорской гвардии, а все ее офицеры живут вблизи дворца.

У мамы, княгини Урусовой-Веймарн, был свой особняк в Константинополе, там сейчас родственники, а она оставила мне квартиру в районе Университета.

После 1920 года, думая как теперь наполнить полумертвый город жизнью, Георгий Великий стал поощрять строительство в Константинополе богачами и дворянством со всей Российской империи и стал раздавать землю под застройки, отменив все налоги на застройку. Практически никаких налогов на жилье в Константинополе до сих пор нет. Поэтому практически все высшие аристократические дома Альянса имеют в Константинополе свои особняки или квартиры.

– Красиво тут, – Юкки замечталась.

София – здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам – пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила Эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон – света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

Собор Святой Софии снаружи выглядел скорее массивным, чем прекрасным.

Из электробуса Юкки, глядя на Храм Святой Софии, видела накрытую куполом массу, казалось что эта куча камней несет в себе нечто хаотическое, но ее ошеломила над входом в храм небесной красоты мозаика, на которой к ногам Богородицы с Младенцем император Юстиниан слагает Святую Софию, воскрешенную им после пожара, а император Константин – город Константинополь. Золотой символ, «два меча», которые избирает империя под покровом Богородицы, чтобы победить мир.

После этого она уже была готова к тому, что при входе внутрь эта куча плинфы и камня обернулась напоенным светом величественным храмом с мудро устроенным, но против ее ожиданий чуждым ей пространством.

Юкки пыталась найти в храме нечто знакомое по храмам синто, но тут не было ничего знакомого или понятного. Это был абсолютно чуждый ей мир.

Непостижимой древностью веяло от колонн, мутно-красных, мутно-малахитовых или голубовато-желтых. Таинственностью были исполнены византийские мозаики. На нее навели ужас лики апокалиптических шестикрылых серафимов в углах боковых сводов. Строгие фигуры святых в выгибах алтарной стены навели на мысль о неумолимой силе веры. И страшен в своей суровости возвышающийся среди них образ Спасителя, этого тысячелетнего хозяина храма... Чувствуя себя пигмеем, Юкки почувствовала потерянность среди этой высоты и простора. Над ней – светоносный купол, горячее солнце золотистым потоком льется сверху. И в этом сиянии света Юкки не почувствовала того единения с силами природы, которые всегда были с ней в храмах синто. Тут только Свет и его подавляющая мощь.

Однажды Хикэри прочла поэму, в которой Собор сравнивался со скрытой внутри устрицы сверкающей жемчужиной. Сравнение показалось ей неудачным. Снаружи Собор вовсе не был грубым и некрасивым, как устричная раковина, а выглядел попросту невзрачным. Зато его интерьер затмевал блеск любой жемчужины.

Собор не был переполнен – предстояла лишь послеполуденная литургия в самый обычный день, не отмеченный каким-либо религиозным праздником. Хикэри решила помолиться со всеми. Две «серебряные» последовали за ней.

«Здесь, – читала она в одной из хроник, посвященных строительству Собора, – дух облекся плотью». В каком-нибудь провинциальном городке, вдали от столицы, она так никогда и не поняла бы, о чем говорит летописец. В Константинополе пример стоял перед глазами. Но несмотря на знакомый до мелочей интерьер, Собор до сих не переставал поражать.

Поддерживавшие свод стены пробивали десятки окон. Солнечный свет струился в них, разбиваясь о стены. Лучи словно бы отделяли купол от самого Собора. Когда Хикэри увидела это зрелище впервые, она не поверила, что свод и вправду опирается на стены, которые венчает, – скорее уж парит в воздухе, подвешенный под небесами на золотой цепи. Золотые листы, серебряная фольга и перламутр отбрасывали солнечные лучи в самые дальние углы храма, озаряя их почти бестеневым светом. Хикэри глянула вниз и увидела собственное отражение в золотом мраморе пола.

Стены Собора покрывали плитки снежно-белого мрамора, бирюзы и, на западе и востоке, розового кварцита и оранжевого сардоникса, повторяя в камне сияющее великолепие небес. Взгляд невольно скользил в небо все выше, выше, к полукуполам, где мозаики изображали деяния святых, угодных Христу, а от полукуполов не мог не подняться вверх, к центральному своду, откуда взирал на молящихся сам Бог.

Здесь он изображен был не улыбчивым юношей, но взрослым мужем; облик его был суров и печален, а глаза... когда Хикэри в первый раз пришла послушать проповедь в Соборе, она едва не шарахнулась от этих огромных глаз, чей всевидящий взор пронизывал ее насквозь.

Такой взгляд и подобает Христу, каким изображал его свод, – не пастырем, но судьей. Тонкие пальцы левой руки прижимали к сердцу массивный том, в котором записаны все добрые и злые дела.

Человек мог лишь надеяться, что добро перевесит, иначе его ожидает вечность в аду, ибо хоть этот Христос и был справедлив, она не могла представить его милосердным.

Христос, смотрящий на нее с купола, несомненно, справедлив, но милосерден ли он? Мало кто посмеет требовать идеальной справедливости – из опасения, что и в самом деле получит ее.

Тессеры мозаики, обрамлявшие голову и плечи Бога, были покрыты золотой пленкой и поставлены чуть неровно. Стоило изменится освещению, или сдвинуться с места смотрящему, как золотой ореол начинал мерцать и переливаться, придавая изображению торжественное великолепие.

Как всегда, только усилием воли Хикэри отвела глаза от лика Христа.

По всей Империи на сводах храмов помещались подобия этого лика. Но ни одно из них не передавало и малой доли этого скорбного величия, этого сурового благородства. Только в Соборе господь воистину направил руку живописца.

Хикэри ощущала тяжесть божественного взгляда. Даже вид ошеломительно прекрасного патриаршего трона из слоновой кости и кипариса не вернул ее к реальности до конца, пока собравшиеся в храме стояли молча, ожидая начала молитвы.

Она обратила внимание как мощь божественного образа подействовала на Юкки. Та смотрела вверх, пытаясь выдержать взгляд взвешивающих с купола глаз. Юкки тоже пришлось убедиться, как и множеству других людей, пытавшихся сделать то же самое, что простому человеку такое не по силам.

– Не волнуйся, – тихо произнесла Хикэри, подойдя к Юкки. – Никто не может счесть себя настолько могучим, чтобы противостоять Богу.

Юкки нахмурилась, ее щеки вспыхнули.

– Мы живем в Японии, не боясь никого, и ничему не позволяем запугать себя. А в этом куполе скрыта сила, которая заставляет нас думать, будто мы слабее, чем есть на самом деле.

Ее пальцы сложились в знак, отгоняющий демонов.

– По сравнению с Богом мы все слабее, чем считаем себя, – негромко проговорила Хикэри. – Именно это показывает нам изображение на куполе.

Юкки покачала головой.

Но прежде чем они успели продолжить спор, из бокового придела к алтарю направились два священника. Инкрустированные драгоценными камнями кадильницы испускали облачка ароматного сладковатого дыма.

Верующие приветствовали Вселенского Патриарха Максима V, который шел следом за священниками. На нем было шитое золотом одеяние, обильно украшенное жемчугом и драгоценными камнями. Во всей империи лишь одеяние Императора превосходило патриаршее пышностью и великолепием.

Хор мальчиков запел хвалебный гимн Христу. Благодные звуки многократно отражались от купола, создавая впечатление, будто исходят из губ самого Бога. Патриарх, воздел руки, не отрывал глаз от лика Христа.

Прихожане повторили за патриархом символ веры. Эта молитва была первыми словами, которые слышал любой русский, потому что ее обычно произносили над новорожденным; ее же первой учил наизусть ребенок, и ее же верующий слышал перед смертью. Для Хикэри она была столь же привычна, как и форма собственных рук.

Следом прозвучали другие молитвы и гимны. Почти не задумываясь, Хикэри в нужных местах отзывалась вместе с прихожанами. Ритуал успокоил ее; он словно сбросил с души груз мелких забот и превратил Хикэри в частицу чего-то великого, мудрого и практически бессмертного. Она лелеяла это ощущение принадлежности – наверное, потому, что оно с момента переезда в Японию никогда к ней не приходило..

Хикэри едва не ушла из Собора до начала проповеди. Проповеди, будучи по природе своей индивидуальными и специфичными, разрушала в ней то чувство принадлежности, которое она искала в молитве. Но поскольку ей особо спешить было некуда, Хикэри решила остаться и послушать. Кто посмеет попрекнуть ее за набожность?

– Мне хочется, чтобы все вы, собравшиеся здесь сегодня, – начал патриарх, – задумались над тем, сколь многочисленны и разнообразны пути, коими погоня за богатством угрожает свергнуть нас в ад. Ибо, накапливая золото, драгоценности и вещи, мы слишком легко начинаем считать их накопление самостоятельной целью в жизни, а не средством, при помощи которого мы обеспечиваем пропитание свое и подготавливаем жизненный путь для нашего потомства.

«Нашего потомства?», – с улыбкой подумала Хикэри.

Ее плеча неслышно коснулся служка.

– Его святейшество хотел после проповеди с вами поговорить. Не откажите в любезности послушать проповедь из императорской галереи.

– Подождите меня на улице после проповеди. Кажется, Патриарх мне хочет что-то сказать, – прошептала она на ухо Юкки. Та кивнула.

Хикэри прошла по узкому коридорчику в отгороженную императорскую нишу, двери в которую, по преданию, сделаны из дерева Ноева ковчега. Там стояли два трона, императорский из белого и трон императрицы из зеленого мрамора.

– Ты можешь сесть на него, *Ольга!* – Патриарх подошел не слышно.

– Я не императрица, – Хикэри погладила спинку трона, – и меня давно так никто не называл.

– Это имя ты получила при крещении и никто не может его отнять. Для вселенской церкви ты принцесса Ольга. И я, Вселенский Патриарх прошу тебя подумать и вспомнить свою Родину, поскольку Веру ты не забыла. С тех пор, как трон из зеленого мрамора занял свое место, на нем давно никто не сидел. Императрица мать – Елена Филипповна не очень любила Константинополь – как и Наталья Николаевна – и недостойная дочь достойного господаря Душана. А матушка Императора Асэми не поменяла веру. Уже девять лет как погибла Маргарита, но император не может забыть свою первую любовь и наша империя живет без императрицы и он (Патриарх ткнул пальцем в трон) тоже ждет ту которая займет свое место рядом с императором. Ты дала нам надежду что император вспомнит о своем долге и императрица России вновь займет свое место рядом с ним.

– Я может быть буду императрицей Японии, но русский трон... Это невозможно! – растерялась Хикэри.

– За день до твоего прилета по телевидению показали фильм о тебе. То как ты спасла рискуя своей жизнью десятки детей, пусть даже детей преступников, произвело на народ неизгладимое впечатление. Ты ведь в курсе, что Асэми выполнила свое обещание?

– Особо не узнавала. Я только знаю, что она его выполнила, иначе и быть не может.

– Она помиловала всех детей и их матерей. А также всех девушек. Три четверти из помилованных приняли истинную Веру в Токийском Соборе. Ты стала легендой христианства и твоя популярность не только в Японии, но и ТУТ очень велика.

– Ваше Святейшество, – Хикэри растерялась – я никогда не искала популярности и всегда была верноподданной Его Величества. Я люблю его, но никогда не буду что-либо себе выпрашивать и уж тем более интриговать с целью сесть на трон империи. Все в воле Императора и только его.

– Я лишь скромный монах хоть и в патриаршем уборе и не мне судить о путях светских владык.

Однако помните идя по пути власти и о своей Родине, которая ждет вас.

– Ваше святейшество, – произнесла Хикэри... Я даже не знаю как начать... – Со мной ты можешь говорить свободно... Я могу принять исповедь у любого православного планеты Земля... – просто и доброжелательно произнес его святейшество.

– Нет... просто... – так вышло что я невеста императора всероссийского – но я его так мало знаю... Это было какое то чудо – встреча в... в прачечной – она чуть не прыснула...

Я ведь не первая в чреде его женщин – у него и дети есть? – помедлив вымолвила Хикэри.

– Не успеешь тебя узнать я бы подумал что ты ревнуешь – как впрочем и подобает принцессе... – улыбнулся первосвященник. Что тебе сказать... Женщины в нынешнее время сопровождают жизнь почти любого не вступившего в брак мужчины – понятно монашествующие – с легкой улыбкой огладил он рясу – не в счет. Тем более – богатого и знатного. Но насколько я могу представить – тебя более всего интересует история его любви к герцогине Лионелле?

Хикэри вздохнула в знак согласия – хотя вообще-то не только это ее волновало.

– Все подробности знает лишь его духовник – отец Гермоген... Он связан тайной исповеди я – нет... Что тебе сказать... – повторил он. Гибель Маргариты фон Гогенцоллерн была ударом не только для него. Но для него – возможно сильнейшим – у императора Адальберта было тринадцать детей только законных а у Олега Данииловича – только одна возлюбленная. Другие в такой ситуации срываются в кутежи, пьянство и совсем уж запретные развлечения вроде опиума и кокаина начинают менять любовниц чаще чем щеголь – перчатки... Но Государь слишком хорошо понимал что есть долг правителя и человека... Стержень что в его душе выкован из стали высшего закала... И вот через год он встретил правительницу Пармскую на Малом Совете Альянса. Кажется обсуждали культурную и образовательную политику стран Европы и возможное создание Европейской кинокомпании... Впрочем неважно. Признанная красавица, королева трех Венских балов, блестящая вдова говоря старым языком. Трое официально просватанных претендентов на ее руку – и поверьте – не в должности принца-консорта там было дело. Проще всего воспринять эту историю именно в духе пошлых дамских романов и не менее пошлого Голливуда: невинный юноша и многоопытная светская львица... – патриарх отвечал кому-то или с кем-то спорил сейчас. Но там все было сложнее и чище – и жалость к потерявшему самое дорогое мужчине и восхищение умом и красотой взрослой женщины вступающего в жизнь молодого человека... Она ведь и сама потеряла мужа через полгода после свадьбы... Я знаю не одну подобную историю – и рассказанные в исповедальне и просто виденные воочию. Связь взрослой женщины с юношей это явление заметно более частое чем кажется – просто у большинства хватает ума не выносить это на люди. В конце концов есть грехи простительные и понятные. А когда до него дошли слухи что герцогиня беременна – и слухи эти подтвердились – он взяв меня и министра двора полетел в Парму спецрейсом – задержавшись лишь на два часа – подбирал в дворцовой сокровищнице подходящее случаю кольцо. Помню она вышла к нам в свободном простом платье уже не скрывающем живот и Олег Даниилович встав на одно колено попросил ее руки. Герцогиня же – нет – не расплакалась как писали потом, но прослезилась. И сказала, что вынуждена отказать – ибо не может оскорбить

предков и свою совесть сменой веры а русский трон – морганатическим браком с католичкой. Тем вечером я первый и последний раз видел Государя пьяным... Вот и все. Хотя – чуть посуровев произнес патриарх – да простит меня невеста моего монарха – но я потом нередко думал что для мира и России было бы лучше если бы Лионелла Фарнезе последовала примеру Хелен де Орлеанс став русской царицей... И Хикэри почувствовала в том как он произнес имя бабки царя что-то особенное... Некую тайну или намек на нее – и тень чего-то неодобрительного. Но не мог же он осуждать ее за переход в православие?? Но тут же забыла – мало ли что ей могло показаться! – Я была бы рада познакомиться с Софией... – произнесла она. («Ты точно была бы рада?» – кто-то злой и ехидный словно прошептал в ухо) – Думаю она и ее матушка будут присутствовать на вашей свадьбе. Свадьбе... И вдруг девушка вспомнила... Вспомнила разговор при их знакомстве...

Россия уклонилась тогда от большой кутерьмы. Сейчас должна выжить Япония – и твой долг ей в этом помочь.

– Но как??... Я всего лишь девчонка-школьница...

А если я скажу... Если я скажу что спасение страны Ямато как раз в той девчонке которая станет императрицей? Считай, что тебя бросили в пруд и ты должна выплыть. Сегодня ты поймешь много, возможно.

– Ты чем то обеспокоена – дочь моя? – пронизательно посмотрел на Хикэри первосвященник. – Не знаю... – произнесла она. Не знаю Ваше Святейшество... Просто я вот подумала... Та встреча... все наше знакомство с... Государем... Это какое-то невероятное чудо! – Чудо?? – улыбнулся в бороду святой отец. Но разве мир наш Божий – не чудо? А еще... – он сделал паузу – ведь чудо это – о что Россия да и весь мир существуют а не погрязли в грязи крови и бессмысленных смутах. И чуду этому мы обязаны даже не Господу – хотя конечно и Его помощи – но человеку: императору Георгию Александровичу... Вы удивлены дитя мое что так говорит священник? Но я в семинарии и академии изучал не только богословие, но и историю – я между прочим доктор истории Сербского королевского университета – хотя вспоминаю об этом так редко... Было время я пытался постичь главную тайну исторической науки. Историк должен знать: «когда», «что», «как» и «где» – но «когда» является наименее важным. В конечном итоге историк имеет дело не с хронологией, а с самими событиями... Так вот – если внимательно изучить историю конца прошлого века – того что назовут «прекрасная эпоха» то становится ясно что тот мир должен был погибнуть. Об этом писали умнейшие люди – от социалистического пророка Энгельса до банковского воротилы Блюха... Да собственно мир тот и погиб... Погибла республиканская Франция, погибла старая Германия и Австрия, погибли небольшие европейские страны, погибли прежние Соединенные Штаты и Англия... Троцкисты бы тоже погибли скорее всего – когда последняя «адская колонна» перестреляла бы друг друга за последние запасы еды на руинах последнего уничтоженного города а последних врачей и учителей оттащили бы в концтабор. Япония уже погрузилась в смуту как вы помните и без России... – священник вздохнул. – А... Россия? – еле слышно произнесла Хикэри. – И она должна была тоже погибнуть... – подтвердил патриарх. Прочти при случае книги революционеров-эмигрантов – дозволенные в России – да и кое что издают в Америке на русском... Да хоть мемуары про начало царствования деда государя Олега – как жил тогда простой народ и сколько горячего материала скопилось. Ну в конце концов – тогдашних великих поэтов: не те стихи что печатают в хрестоматиях и парадных подарочных томиках – поройтесь в полном собрании сочинений. Какие жуткие пророчества там можно найти – и многие сбылись! Я даже думаю что грань между нашим миром и Иным миром тогда истончилась – и знание о будущем было услышано самыми чуткими... Но поверьте – предку... твоего избранника удалось свершить чудо свернув державу и мир с гибельного пути... За это ему и надо быть благодарными – а не за Великий Сибирский Путь и полет в космос – хотя конечно и за эти и прочие свершения – тоже... Помните об этом – **ваше высочество** и знайте – что за ответственность лежит

на вас отныне... Ибо вашими руками – руками правителей и правительниц – твориться воля Его... Хикэри, вернувшись к себе долго сидела в раздумье.

7 ноября 1992 года
Российская империя
Константинополь
Большой императорский дворец
вечер

От Храма Христа к Мраморному морю вместо трущоб османского периода раскинулся огороженный изящной ажурной оградой гигантский комплекс восстановленного из небытия Большого Императорского Дворца.

Большой или Святой дворец в Константинополе оставался главной резиденцией византийских императоров на протяжении почти восьмисот лет, с 330 по 1081 гг. Он был заложен Константином Великим между Ипподромом и Святой Софией, перестроен Юстинианом и расширен Феофилом. Детей императора, рождённых в Порфирной зале дворца, называли порфирородными.

Восстановлен он был при Данииле Георгиевиче и должен был стать символом новой империи и знаком мира – *Вечного* как тогда думали мира. Но Даниил умер так и не поселившись в нем – он был закончен в год его кончины – да и с вечным миром тоже как-то не очень сложилось.

Поскольку часть исторического дворца занял Храм Христа Торжествующего, то Большой дворец был восстановлен с рядом отступлений от оригинала – в основном изменения сводятся к частичному изменению местоположения восстанавливаемых зданий и уборке ряда вспомогательных помещений под землю.

К сооружению дворцового комплекса Юстиниан приступил вскоре после восстания Ника, в ходе которого при пожаре пострадала значительная часть построек старых императорских палат Константина – Палатия. Центральной частью стала большая площадь – Августеон, простиравшаяся от храма святой Софии до дворца. После пожара Августеон был расширен и украшен белыми портиками, поддерживаемыми двумя рядами колонн, земля была выстлана мрамором. На площади неподалеку от Золотой колонны, от которой расходились дороги империи, была возведена бронзовая колонна, увенчанная конной статуей Юстиниана. Император был представлен с лицом обращенным к востоку с державой в левой руке и протянутой правой рукой «дабы повелевать варварами», пишет Прокопий. Император был облачен в доспехи, в которых обычно изображался Ахилл.

С четырёх сторон площадь окружают постройки – храм св. Софии на севере, Ипподром на юго-западе, на востоке Сенат и Магнаврский дворец и на юге Храм Христа Торжествующего и императорская резиденция.

Перед зданием Сената выстроен портик с шестью беломраморными колоннами, украшенный статуями. В термах Зевскиппа, где Константин собрал коллекцию античных статуй, Юстиниан приказал восстановить разноцветные мраморные орнаменты, пострадавшие в пожаре.

При восстановлении Юстинианом Императорская резиденция была отстроена заново с той самой пышностью, которую, по словам летописца Прокопия, невозможно было передать словом. Католики в позорном Четвертом крестовом походе разорили и разграбили это великолепие – но даже двести пятьдесят лет спустя оно изумило османов.

Повторная реставрация Большого дворца заняла более двух десятков лет и владыки России превзошли Юстиниана по роскоши Дворца.

С юго-западной стороны, под портиками имелись железные двери, которые вели в сени называемые Халкой.

Двустворчатая бронзовая дверь вела из ротонды Халки в караульные помещения, называемые портиками схоляриев, протекторов и кандидатов. Это обширные залы, служащие помещениями для дворцовой стражи, и, кроме того, они включали парадные комнаты, в одной из которых находится под куполом большой серебряный крест весом три тонны. Наконец, посредством широкой аллеи, окаймленной колоннами и прорезающей квартал гвардейцев, посетитель попадал в сам дворец, где прежде всего ему предстоит оказаться в в большом Консистоционе. Это тронный зал, в который с трёх сторон ведут двери из слоновой кости, задрапированные шелковыми занавесями. Стены украшены драгоценными металлами, пол убран коврами. В глубине залы на трехступенчатом возвышении между двумя статуями богини Победы Ники с распущенными крыльями – трон из ценных пород дерева, растущих по всей империи – от кавказского самшита до аляскинского кедра, покрытый золотом и драгоценными камнями. Над тронном – золотой купол поддерживаемый четырьмя колоннами. Рядом с тронном стоит золотое(разумеется позолоченное) дерево, на котором сидят золотые певчие птицы, каждая со своим голосом. Русские механики сумели повторить хитроумное изобретение Льва Математика(предложение – вставить в птичек динамики было с презрением отвергнуто), и теперь многим казалось, что дерево так и стоит на своем месте с самого девятого века.

Позади трона три бронзовые двери открывались на лестницы, которые вели во внутренние покои.

Приём в Консистоционе проводится в дни больших праздников, при назначении высших сановников и встрече иностранных послов. Рядом находится церковь Спасителя служившая во времена Юстиниана дворцовой церковью.

Весь описанный комплекс одноэтажный и называется Халкеи, все строения которой фасадами направлены в сторону Августеона.

Все это содержимое «Большого путеводителя по Константинополю» пронеслось сейчас у Хикэри в голове.

Огромные бронзовые двери Тронной палаты медленно распахнулись.

Сидя на императорском троне, Олег Данилович на краткое мгновение разглядел то, что находилось на улице, и улыбнулся; Сравнивая иногда Тронную палату со столичным Собором, он никак не мог решить, какое из этих строений более пышное и великолепное. Верно, орнаменты в палате не столь цветисты, но к ним добавляется никогда не повторяющееся зрелище богатых парадных дворцовых одеяний вельмож и сановников, которые выстраивались двумя рядами вдоль колоннады, идущей от входа до самого трона. Каждую пару колонн разделяли двадцать пять метров пустоты, наводившие на самых вольнодумных просителей мысли о собственном ничтожестве и несокрушимом могуществе владык России.

Герольд с белым жезлом в руке сделал шаг вперед.

Два живых леопарда в золотых ошейниках лежащие рядом с тронном зевнули, им это процедура была знакома и несколько скучна.²

Болтовня придворных смолкла, и в наступившей тишине герольд провозгласил:

– Кронпринцесса Империи Ямато Хикэри и благородная Леди Юкио, представляющие империю на Совете Альянса, просят дозволения приблизиться к императору России. – Тренированный голос герольда был легко слышен от одного конца Тронной палаты до другого.

---

² По восходящей к Византии традиции на приемах рядом с тронном Российских императоров находятся леопарды. На 1992 г. это пара золотых леопардов, подаренных Е.И.В. королем Таиланда

– Пусть Кронпринцесса Империи Ямато Хикэри и благородная Леди Юкио приблизятся, – молвил Император.

– Пусть Кронпринцесса Империи Ямато Хикэри и благородная Леди Юкио приблизятся! – Вырвавшись из мощной груди герольда, эти слова разнеслись над Тронной палатой..

Показавшись сперва крошечным силуэтом на светлом фоне отдаленных дверей, фигурки идущих к трону девушек постепенно увеличивались.

Остановившись на положенном расстоянии от императорского трона, девушки опустились на колени; некоторые из византийских ритуалов были приняты как ритуалы Дворца Российских императоров и нарушать их не дозволялось никому.

– Можете подняться, – произнес с высоты Император.

– Спасибо, ваше величество. – Хикэри непринужденно поднялась на ноги.

Воспользовавшись своей привилегией, Император заговорил первым:

– Как прошел перелет?

– Ваш подарок, Ваше величество, великолепен! – Хикэри присела в реверансе, – экипаж действовал безупречно. Я и Леди Юкки благодарим Вас за проявленную милость.

– Рады слышать. На Нас произвела большое впечатление Ваша доблесть, принцесса Хикэри, проявленная в схватке с якудзой, когда Вы, рискуя жизнью, спасли детей.

За проявленную доблесть мы решили подарить Вам рубиновую тиару и рубиновое кольцо.

Они изготовлены из рубинов которые нам подарил король Бирмы при нашем восшествии на престол.

Среди придворных пронесся шепоток.

Слуги вынесли красивейшую тиару и не уступающее ей по красоте кольцо...

Тиара была изготовлена в виде венка из роз с лепестками из бриллиантов и розетками из рубинов в центре каждого цветка.

Рубиновые серьги на мне. Это как я угадала.

Один из церемониймейстеров помог Хикэри надеть их. По залу пронесся восхищенный шепоток.

В своем белоснежном платье с рубиновой тиарой и колье Хикэри выглядела как истинная императрица.

– Я благодарю Ваше Величество за проявленную милость, но я не заслужила такой щедрый дар, – Хикэри приготовилась к продолжению.

И оно воспоследовало.

– Нам виднее принцесса, Вам отведены покои во дворце Дафна и Мы надеемся Вы не откажетесь быть нашей гостьей во время вашего пребывания в Городе. Сегодня вечером в Триконхе состоится малый бал по случаю визита наследника итальянского трона принца Генуэзского Томмазо. Надеюсь что Вы присоединитесь к Нам. Мы хотели бы открыть бал с Вами.

– Я благодарю Ваше Величество и принимаю приглашение, – Хикэри решила быть немногословной.

Ну а чего тут собственно говорить. Я счастлива. Я очень счастлива. Все всё вроде и так поняли.

– Отлично, – Император был откровенно доволен, – Леди Юкки Мы рады Вас видеть и надеемся что пребывание Вас в Константинополе будет приятным. Мы также надеемся, что нам удастся познакомиться поближе со столь пленительной девушкой...

– Благодарю Ваше Величество за столь лестные слова, – на щеках Юкки играл румянец, – я восхищена Великим Городом и если Великая принцесса даст разрешение, я безусловно встречусь с вами как Вы того пожелаете.

Однако, как выкрутилась.

– Очень хорошо, – Император был в хорошем настроении, – тогда Мы не станем Вас далее задерживать. Встретимся во дворце Дафна.

– Ваше величество. – Девушки вновь встали на колени, потом поднялись и начали пятиться от трона, пока не удалились на достаточное расстояние, уже не оскорбляющее Императора. Сам он не возражал бы, если бы они просто повернулись бы и ушли, но императорское достоинство не допускало столь обычного поведения в Его присутствии.

Иногда казалось, что его должность обладает самостоятельной личностью, к тому же весьма чванливой. Не Олег Данилович Романов – нет.

«Божиею поспешествующею милостью Олег I, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Константинопольский и Трапезундский; Царь Царей Востока; Король Королей Запада, кесарь Ромейский, Царь Ассирийский; Царь Казанский; Царь Астраханский; Царь Херсонеса Таврического; Царь Никейский; Царь Киликийский; Царь Сибирский; Царь Болгарский; Государь и Великий Князь Смоленский, Псковский, Тверской, Черниговский, Полоцкий, Ростовский, Рязанский, Волынский, Подольский, Корельский, Югорский, Пермский, Вятский; Великий Князь Финляндский; Великий Князь Кипра; Великий Князь Эстляндский и Лифляндский; Великий князь Фракийский; Великий Герцог Курляндский и Семигальский; протектор Святыя Земли...» И прочая, и прочая и прочая...»

Большой Императорский Дворец Три часа спустя

Дворец «Триконх», где давались торжественные балы, похож на фантастический каменный трилистник. Архитектор, несомненно, был вдохновлен европейскими бальными залами, но все же сохранил план исторического Триконха, стоявшего на этом месте почти тысячу двести лет назад. Три просторные округлые абсиды завершались резными полукуполами-раковинами, переходившими в общий свод, под которым и совершалось бальное действо. Огромные «лепестки» дворца, соединенные наподобие листьев клевера, были разделены на ярусы. В среднем построены гостевые ложи в два уровня – в том числе ложи императора и императрицы. В боковых помещаются оркестры, буфеты, уборные и большая бильярдная. Изрядно помучившись с компоновкой столь сложного помещения, зодчий дал полную свободу фантазии, украсив дворец лепниной, позолотой и витражами. Стараясь не открыть рот в немом восхищении Хикэри-Ольга огляделась.

Прием в честь наследника итальянского трона был в полном разгаре.

На дворе Сигмы гостям демонстрировали древний фонтан с золотой шишкой наверху. По ней струились, вытекая из специальных отверстий, хмельной медовый напиток и три сорта вина. Жидкости, не перемешиваясь, собирались внизу в специальные вместилища. Каждый желающий мог здесь угощаться столько, сколько позволяла крепость его сложения.

Гостям давали ужин в Золотом Триклиниуме, в сопровождении концерта классической музыки. Он проходил в неформальной обстановке: гости переходили от одних столиков к другим, менялись местами, весело беседовали и шутили, образовывали группы и снова расходились; мужчины были без пиджаков, женщины в более или менее коротких платьях. Бурно обсуждали последний скандал в правящем доме Португалии, где жена наследника оказывается имела любовника. У самого императора было много куда более важных задач, чем обсуждение жизни португальской инфанты. Он подсаживался за разные столики, вел легкие беседы, порой содержавшие очень весомые намеки, но временами не забывал поглядывать, что делают Хикэри и Юкки.

Бал в Триконхе был в разгаре, гости вовсю веселились, а у Юкки на душе становилось все грустнее, несмотря на то, что многие танцы у нее уже разобрали и почти все ее кавалеры

были молодыми людьми из самого высшего света. Но именно это и не нравилось девушке. Она знала: на нее теперь «охотятся» как на богатую невесту, тем более что она еще и красива... ну, по крайней мере, недурна собой...

Отдельное спасибо парикмахерам и стилистам Большого Дворца.

Однако, видно, недостаточно красива и не так умна, чтобы на нее обращали внимание серьезные люди, а не одни искатели выгодной партии: большинство самых умных и красивых мужчин собирала вокруг себя Хикэри – там были ученые, писатели, поэты... Хикэри была в таком наряде, что у любой женщины при виде него захватывало дух: пурпурный шелк с отливом в синеву; юбка, украшенная легкой драпировкой, как будто незамысловатой, но придававшей платью неповторимый шарм; глубоко вырезанный лиф с прихотливым узором из сверкающих бриллиантов; тончайшие кружевные перчатки в цвет платья на божественной формы руках; обнаженные плечи, покрытые теплым золотистым загаром; бриллиантовые шпильки в темных волосах, темные глаза, сияющие еще ярче рубинов, и улыбающиеся губы, за поцелуй которых, наверное, не один мужчина продал бы душу дьяволу... Разве с ней можно соперничать?!..

Император протанцевал с Хикэри открывавший бал полонез и следовавший за ним вальс. А Юкки рассеянно слушала комплименты очередного кавалера и, косясь в сторону большой ложи, где Хикэри блистала в окружении своих поклонников, думала: «Нет, я никогда, никогда не выйду замуж ни за кого из этих искателей богатых невест!.. Как это пошло! Интересно, кто из них посмотрел бы на меня тогда, когда я была просто Юкки и ездила в школу на метро? А теперь и не узнаешь, кто любит тебя саму по себе, а кто – только в приложение к твоим деньгам... Да собственно, а они у меня есть?»

Осознав юмор ситуации Юкки, как оказалось к месту, звонко рассмеялась, чем весьма порадовала поклонника который ее пытался рассмешить.

И тот – какой то греческий офицер – принялся рассказывать о константинопольских достопримечательностях.

...Малый дворец Сигма – вешал он – был тщательно воссоздан по старинным изображениям, сохранившимся в одной иллюстрированной рукописи начала десятого века. Здесь размещалась императорская коллекция живописи, где были собраны невероятные сокровища – от уникальных античных портретов до знаменитых французских художников девятнадцатого века. Работы российских художников были выставлены в Консистории.

Дворец Дафна двухэтажный и имеет два крыла, которые окружают большой двор, часть которого занимает личный манеж императора. Первый этаж строений занимают придворные службы. На втором этаже находятся личные покои императора, в том числе самые роскошные залы палат. Это три залы – «триклиниум Августеос», «восьмиугольная гостиная» и «коитон Дафны». Залы дополняются широкой террасой с которой открывается вид на море. Терраса является частью галереи Дафны, в которой находится статуя нимфы, которую привез Константин из Рима. С другой стороны находится галерея, соединяющая церковь Св. Стефана и Дафну с ложей императора на ипподроме «Кафизма», которая представляет собой дворец, где позади ложи находятся комнаты для приёмов и отдыха. Для жилья используются Дворец Дафна и дворец находившийся между Дафной и морем – «Хризотриклиниум». Управление императорских дворцов пока не выпустило альбом с их видами. Интересная восстановленная задумка византийцев что полы украшены в дворцах мозаикой поверженных царей и там среди всего прочего на полу портретные мозаики всех султанов османов. Разве что Троцкого там не было...

Комплекс священных палат дополнял уединённый «триклиниум Магнавара», восстановленный с большим великолепием..

Юкки кивала выслушивая строки из все того же «Путеводителя»

...Хикэри не была обижена вниманием: у ее столика постоянно сменяли друг друга все новые желающие побеседовать с ней – почти одни мужчины. Однако Императора среди них не было, он куда-то вышел.

Спустившись по лестнице и выйдя из дворца Кариан, где жили почетные гости, Президент Федерации Техас Марвин Буш с сопровождающим прошли по небольшой выстеленной мрамором площади и поднялись на одну из террас, занятых императорской резиденцией. Высоко стоящая полная Луна подсвечивала громадную колоннаду Ипподрома. На азиатском берегу Константинополь утопал в мириадах ночных огней, а Босфор в лучах лунного света и отраженного ночного света подсветки светился всеми оттенками фиолетового и синего. Большой Дворец – огромный архитектурно-парковый комплекс, где зданий, казалось, было больше чем деревьев – четырьмя террасами доходил до самых морских стен. Последние, впрочем, уже давно перестали быть собственно морскими, будучи отделены от воды гранитной набережной, разумеется исключая дворцовые пристани.

Марвин с сопровождающим его гвардейцем вошли в длинный переход, тянувшийся колоннадой ко дворцу Кафизмы, соединенному с императорской ложей Ипподрома.

– Будьте осторожны, – предупредил гвардеец, – здесь бегущая дорожка.

Действительно, ощутив присутствие людей, пол мягко, без толчка пришел в движение и, плавно ускоряясь, понес их вперед. Они зашагали по серой шершавой поверхности, от чего пешее движение сделалось невероятно быстрым.

– Замечательно придумано! – воскликнул Марвин.

– Веление времени! Все ускоряется, – отозвался сопровождающий. – Его величество уже не может позволить себе тратить часы на пышные выходы и передвижения по Дворцу в окружении свиты, а для автомобилей здесь нет простора.

– Мы пришли, – гвардеец остановил дорожку и открыл небольшую дверь, за которой оказался лифт. – Дальше вы пойдете самостоятельно. Всего хорошего!

Лифт, похоже, поднял Марвина всего на один этаж. Когда его двери раскрылись, техасец сразу очутился в просторном помещении, отделанном темным красноватым камнем. Высокий сводчатый потолок тонул в полумраке; огромное окно – целую стеклянную стену – закрывали жалюзи из тонких золотистых пластинок. В камине, встроенном в стену справа, весело потрескивали дрова, но жара не ощущалось, откуда-то даже веяло приятной прохладой.

Олег Данилович сидел в одном из двух кресел возле круглого столика. Когда Марвин приблизился, император поднялся ему навстречу.

– Ну, здравствуй, наконец! – воскликнул он. – Теперь можно не церемониться.

Усадив гостя в кресло, Император поднял заранее наполненный кубок:

– За встречу! Я тебе очень рад!

Выпив, император снова поднялся и сделал шаг к камину. Прозрачный экран отъехал в сторону, и президент сразу ощутил тепло.

– Ты не против камина, я надеюсь? – поинтересовался император, поправил дрова щипцами и вернулся на место. – Жарко здесь не будет, не беспокойся. Просто я люблю смотреть на огонь, когда рядом хороший друг или предстоит серьезный разговор.

– Вот как? – заинтересовался Марвин. – А что на этот раз?

– Представь себе, и то, и другое, – рассмеялся хозяин и вновь разлил по бокалам вино из темной бутылки. – Но давай пока не будем о делах!

– О да, о них ты никогда не любил говорить, скрытнич и бука! – съехидничал Марвин.

– Я просто византиец и еще русский, не забывай. Какой же русский станет болтать лишнее?

– О-о, какой ты теперь суровый, – протянул Марвин. – И не подступись! Я, впрочем, – добавил он, – очень хотел тебя спросить: как ты живешь здесь? Во Дворце, среди стольких слуг...! Когда мы с тобой встречались прошлый раз на Майорке, всего этого антуража не было, и ты выглядел вполне беспечным!

– В отличие от тебя, болезного! – воскликнул император. – Ты мне тогда показался постаревшим и осунувшимся, словно прошло не пятнадцать лет, а гораздо больше!

– Президентские интриги, предвыборная гонка, что поделаешь!

– Не знаю, не знаю, – тут настала очередь царя насмешливо растягивать слова. – Мы этим вещам не обучены: ни в Хьюстоне, ни здесь, конечно, нас в эту премудрость не просвещали... А как живем? Большой Дворец ты уже, я думаю, оценил?

– Да, это грандиозно!

– Согласен, моему деду пришла в голову замечательная идея! Разумеется, здесь все нужно было восстанавливать, но, несмотря на более чем четыреста лет разрушения, сохранилось удивительно много! А Влахерны, конечно, прекрасное место, но, согласись, сырое и нездоровое.

– Я там еще не был.

– Будешь. И оценишь преимущества жизни на мысу, а не в глубине бухты, даже несмотря на то, что рыбных пристаней и складов на Золотом Роге уже нет.

...Из комнаты был виден чарующий вид на фиолетовую даль Босфора, подсвеченного из Европы и Азии электрическими светлячками ночного освещения.

– А в общем, жизнь здесь давно идет без резких толчков, – продолжал император. – Главное вовремя понять когда наступает кризис! Хотя здесь я, конечно, очень обязан отцу и, главное, деду... – тут Император поднял глаза к темневшему наверху каменному своду.

– Будто все так просто?

– Очень сложно, очень! Но, видишь ли, мы слишком старый народ и живем в слишком старом государстве, накопили определенный опыт... Ведь ничего нет нового под солнцем!

Республики были еще в Элладе и Риме, безумные тираны и варвары – при гуннах и монголах, газеты – в древнем Китае... Вот недавно наша Академия раскопала города с канализацией в северной Индии – им как оказалось пять с лишним тысяч лет.

– А социализм? – подмигнул Марвин.

(«А ты мистер миллиардер не так прост!» – одобритительно подумал император)

– Его вообще то придумали тоже еще древние греки и китайцы – всякие «краснокафтанники» и Ямбул с «Государством Солнца»... Хотя, – усмехнулся царь – думаю Ямбул и тот... черт, забыл – строитель Уранополиса – про которого Ефремов в «Таис Великолепной» писал – а Алексарх! Так вот они, поглядев на Троцкого и его прихвостней, умерли бы второй раз от огорчения...

Император поднялся и зажег четыре свечи в массивном шандале. Стало еще уютнее, ласковый свет заиграл на изысканных серебряных кубках и вазах с фруктами.

– Все-таки мы с тобой договорились до политики! – негромко сказал Олег Данилович. – Ну, да ничего. Тогда давай о делах сейчас, пока не зашумело в голове, – промолвил он, немного помолчал и начал задумчиво: – Послушай, любезный друг мой, я хочу предложить тебе произвести один старомодный опыт. Он не всегда оканчивается благополучно, но если такое случается, то результат оказывается очень ценным.

– Неужели философский камень? – насмешливо прищурился Марвин. – Я слышал, что в дворцовых подземельях Влахернского дворца до сих пор витают тени казненных византийскими царями алхимиков?

– Там много что витает... Не беспокойся, я тебя как-нибудь свожу, – серьезно проговорил император, и даже немного нахмурился. – Но в данном случае я не о призрачных теориях. Как ты относишься к политическим бракам? Они бывают очень удачны порой, не правда ли?

– Хм. Случается. Но если ты...

– Тихо-тихо, подожди, – Император слегка взмахнул рукой, но в этом мановении Марвин почувствовал вдруг неведомую доселе властность. – Мы современные люди, будем рассуждать реально и не станем играть в средневековых деспотов. Я хотел бы, чтобы моя дочь София – дочь Пармской герцогини и твой сын Алекс познакомились, полюбили друг друга и сочетались браком. Безумное желание? Нисколько. Это всего лишь плод жизненного опыта. И тот же самый опять подсказывает мне, что мое желание осуществимо. Пока мы их обручим. Моей дочери десять лет, твоему сыну шестнадцать. Я думаю, что это вполне реально. Надеюсь – ты не столь привержен пуританизму предков чтоб отсутствие брачного обряда между мной и Леонеллой – ее матушкой – тебя пугало?

– Все это звучит очень интригующе, – промолвил Марвин, выжидающе глядя в глаза царю. – Но... почему ты выбрал мое семейство, моего мальчика? Ты позволишь? – он потянулся к пузатой бутылке и вновь наполнил оба бокала.

Благородная рубиновая влага ярко светилась на фоне огня.

– Я и не выбирал, собственно, – ответил император и слегка отвернулся в сторону камина, предоставив другу изучать августейший профиль с прямым носом и сосредоточенно подобранными губами. – Выбора-то особо и не было.

По двум причинам.

Первая в том что твой отец Джордж Буш стал президентом Техаса в 1965 году и с тех пор до 1989 года он им был. Потом стал ты. Твой старший брат командует ВВС, средний армией. Фактически ваша семья в шаге от наследственной власти и породнившись с моей династией и родом Бурбонов-Пармских вы имеете все шансы вступить как династия властителей Техаса в ряды Альянса подобно династии Хорти.

Вторая причина переход к наследственной власти в Техасе неизбежен ввиду резких изменений на Американском континенте каковые вскорости воспоследуют.

Я знаю тебя, знаю Алекса. В позапрошлом году на островах он был уже достаточно взрослым, чтобы проявить свои лучшие качества. Тот случай с катером покорила меня...

– О, да! – воскликнул президент. – Об этом потом писали все наши да и ваши газеты! «Индепенденс» тогда заявила, что опытные каскадеры оценили трюк и не согласились бы повторить его без тренировок.

– Он рыцарь – он не задумываясь спасал тех несчастных рыбаков... Он даже не задумался, стоит ли прыгать – рискуя жизнью сына миллиардера из за обычных людей? Это само собой разумелось, и на берегу Алекс даже не мог понять этого всеобщего восхищения! Но, может быть, сердце нашего Сида уже в оковах? – вдруг вежливо поинтересовался император.

– Не знаю... Нет, думаю, нет, – отозвался Марвин, слегка задумавшись.

– Я в этом не сомневался! Душевные движения таких людей видны сразу, поверь мне. Мальчик пока искренне влюблен только в свои книги и свои боевые искусства – что ж, это нам весьма кстати. София тоже пока не думает ни о каких глупостях, но, знаешь ли... – тут император потянулся вперед и слегка раздвинул тлевшие дрова, те сразу вспыхнули и весело затрещали. – Да, все это до поры до времени. Я предвижу, что лет через пять мою доченьку потянет на приключения, и тяга эта будет неодолимой и все сильнее год от года. Характер у нее такой.

– А при их недостатке организует приключения мужу?

– С мужем, дорогой мой, с мужем! – весело подхватил Император. – Но разве Алекс будет против? Он просто тоже до сих пор не вошел еще в авантюрную полосу, но, конечно, не минует ее, поэтому нам с тобой...

– Нам? – встрепенулся Марвин. – Ты уже второй раз произносишь это слово, но я еще не готов сформулировать своего мнения, и...

– Нам, нам, друг мой, – заключил император и потянулся своим бокалом к бокалу президента. – Доверься мне сейчас, как верили друг другу наши отцы заключившие договор о союзе!

Перейдем ко второму вопросу. Что ты думаешь про ситуацию между США, ДША и КША?

– Что за вопрос? – президент даже несколько насторожился. – Крыса, кошка и собака. И маленький гадкий крысенок – Калифорния. – Но почему ты об этом вспомнил? – удивленно воскликнул Марвин.

– Я полагаю, этот вопрос можно решить, – спокойно сказал Император.

– Решить?! – президент чуть не подскочил в кресле. – Но ведь это война! Ваши отношения с Квебеком, с КША, все эти мормоны, плюс полоумные калифорнийцы...

– Мормонов-то мы сейчас будем спрашивать меньше всего, – веско объявил император. – Все остальное – мы провели переговоры с КША и Квебеком и не позднее лета 1993 года мы атакуем ДША и Калифорнию с целью их полного уничтожения. Сейчас мы ведем переговоры с США об участии в процессе. Но они мнутя и пока нам ничего внятного не говорят. Но в любом случае сил Альянса хватит чтобы уничтожить противника даже в одиночку. Правда не хотелось бы делать из территорий ДША выжженную пустыню. А иерархов мормонов я приму после некоторой подготовки... Пожалуй, лучше всего будет залепить уши воском! – рассмеялся император, и на столике появилась небольшая распечатанная амфора. – Рекомендую! Каппадокия, начало 30-х.

– Мне вдруг показалось, что там нефть, – признался Марвин.

– Ну уж нет! Мы ведь не в Техасе! – император попытался изобразить обиду, но глаза его смеялись. – Пусть нефть в золотой чаше подносят Президентам Техаса, нам это как-то не пристало.

– Прекрасное вино! – воскликнул президент.

– Да, очень неплохое.

– Итак, – проговорил Марвин, откинувшись в кресле, – вы готовы кое-кому наступить на горло? Довольно неожиданно! Но почему именно сейчас? Ведь не из-за пограничных споров между Индианой и Кентукки, я полагаю?

– Видишь ли, дорогой Марвин! – дурашливо наморщил нос Олег. – Есть вопросы, которые в политике обсуждать не принято. И даже намекать на них нехорошо. Но мы ведь не просто политики, верно? Поэтому я буду с тобой откровенен почти до неприличия. Мы хотим уничтожить их потому что, как мы считаем, они переродились в паразитические антихристианские государства полностью враждебные нашей цивилизации. Даже само наличие этих образований на планете неприемлемо. В случае дальнейшего их существования цивилизация-паразит закроет нам дорогу в космос, а ты знаешь что для нас экспансия туда единственный выход. И так считаем не только мы..

– Как-как? Что?

Брови президента взобрались куда-то на самый верх лба, словно желая спрятаться в волосах. Впрочем, осмыслить сказанное было действительно трудно.

– Да, ты не ослышался, – император был собран и серьезен. – вот ксерокопия их письма на Совет Альянса... Заверенный перевод естественно.

– Они никогда не вмешивались в наши дела!

– Они просто предупреждают! Впрочем мы дадим тебе методичку расчетов которую они нам предоставили, захочешь, поручи ученым университета в Хьюстоне перепроверить, и учитывая что ты знаешь какие извращения легализованы в ДША и в Калифорнии... Это необходимо сделать! Это будет справедливо, символично, и... – тут Император поднялся и, подойдя к окну, слегка коснулся пальцами стекла. – И, пожалуй, отношения в мире между центрами сил сделаются от этого более правильными... Наша планета уже слишком мала для челове-

ства. Так что, господа техасцы, – император обернулся к Марвину, широко улыбаясь, – ваш космический центр будет сильно расширен!

– Как-то очень похоже на выкручивание рук... – задумчиво пробормотал президент.

– Отчего же! Просто на изящную фигуру танца, где кавалер крутит барышню, не выпускающая ее нежной ручки.

– Которую та тщетно пытается вырвать!

– Так что же! Это только для приличия, ибо какая же барышня не хочет замуж? – лукаво прищурился Олег Данилович. – Но сватовство, конечно, будет обставлено пышно и церемонно! Представь себе: потомок российских императоров, а также французских королей и потомок грубых техасцев – появляются в Совете Альянса и объявляют о помолвке между наследниками дома Романовых и Бушей! А тем временем все газеты начинают сплетничать о браке, который должны заключить представители семейств! Помолвка объявлена, впереди символический вход Техаса в Альянс...

– Что ж, не спорю, придумано ловко, – отозвался Марвин. – По-византийски. Не хватает только чего-нибудь изящно-злодейского...

– Разве мы хоть сколько-нибудь более злодеи, чем все остальные? – меланхолически спросил император. – Мы часто даже гуманнее других!

– О да, вы гуманисты! – с жаром воскликнул президент. – Вспомним например взятие Парижа в 1945 и его разрушение. Тогда в Париже что-нибудь живое осталось.?!

– Друг мой, о гуманизме судят не по битвам, а по тому, что происходит после них. На войне законов нет и быть не может! Мы боролись за существование и победили, вот и все. Не важно, какими методами. Но кто бы на нашем месте стал в них разбираться? К тому же, парижские кошки точно выжили...

– Что ж, в этом ты, конечно, прав, – пробормотал Марвин и потянулся своим бокалом к бокалу друга. – За справедливость!

– За долгожданную справедливость! – подхватил император.

– Кстати, по поводу проблем – а как же ядерное оружие ДША?? Там как помню три базы межконтинентальных ракет и шесть атомных подводных лодок с ракетами на борту? – вспомнил Марвин.

– Мы обеспечим безопасность, – решительно сказал Император.

– Да, но ведь они...

– Мы обеспечим безопасность, это технический вопрос! – Император щелкнул пальцами по украшенной странными эмблемами бумаге и его тон уже не допускал возражений.

– Ну, хорошо, – Марвин аккуратно поставил на столик свой бокал, – а что будет, если Алекса с Софией... если ничего из этого не выйдет?

– Комбинация несколько осложнится, но... Хотя, честно сказать, я даже больше болею за их возможные отношения, чем за ядерное оружие демократов, – признался вдруг Олег. – Могу я иногда побыть просто отцом?

– Конечно можешь! – рассмеялся Марвин. – А то мне уже почти страшно с тобой выпивать! Знаешь, а ведь это прекрасно, когда есть такая возможность быстро менять ипостаси, отдыхать от государственных дел...

– Вот преимущества нашего образа правления!

– Да, и недостатки нашего.

– А знаешь, кстати, что я тебе хочу сказать... – слегка задумался Император. – Ведь это, в принципе, не большая проблема. Думаю, после нашей «интриги» твои акции настолько взлетят вверх, что... Конечно, это все непросто, но ты сам понимаешь...

– погоди, погоди, – пробормотал вконец ошарашенный президент. – Я, конечно, уверен, что у этих стен предусмотрительно оборваны уши, но...

– И в этом ты совершенно прав!

– Но все же сейчас, наверное, время более приятных разговоров – о женщинах, вине, книгах...

– Как угодно, – отозвался император. – Если тебе и после совсем будет неудобен этот разговор, мы к нему не вернемся. Но имей в виду, что у Алекса есть реальный шанс стать... – тут он задумчиво покрутил пальцами изящную хрустальную ножку бокала, – королем. Или кем-то в этом роде. Я ведь забочусь и о будущем своих будущих внуков!

– Ну, тогда выпьем за будущее и... выпьем! Между прочим, твоя японка сегодня была великолепно как никогда.

– Хикэри, а скорее уже Ольга, будущая первая женщина Империи, – улыбнулся Олег. – И в этом качестве она обладает совершенствами всех женщин сразу.

*Большой дворец
Кабинет Императора
спустя два часа*

Дверь тихонько открылась. Он замер, из-под полуопущенных ресниц глядя, как Хикэри тихо вошла и остановилась у двери. Окно было занавешено лишь наполовину, лунный свет падал как раз на принцессу. Хикэри стояла, прижав обе руки к груди и молча глядя на императора, и он даже на расстоянии ощущал, как она напряжена. Он подошел к ней.

– Спасибо! Я никогда не обману тебя, Повелитель, – она взяла его руку и поцеловала в ладонь. – Я люблю тебя. – Хикэри вздохнула и опустила руки, взглянув ему в глаза. – Но я сейчас беспокоюсь о том что я прочитала утром и мне страшно и понимая, что я в любом случае разделю с тобой твоё решение, мне все таки хочется понять, зачем мы это должны сделать.

– Разговор будет долгим, может мы его отложим на утро. – император вздохнул, – мы так долго не были вместе.

– Мой государь, – Хикэри встала на колени. – Я принадлежу вам и готова быть вашей в любую секунду по вашему желанию, но может статься так что на полях пойдут убивать наши солдаты и в водах океанов будут умирать наши подданные. Я не могу послать их на смерть не зная зачем я это делаю. Прошу вас объяснить мне все и ничто больше не омрачит мою принадлежность вам.

– Хорошо, нам накрыли легкий ужин тут и мы сначала поужинаем, а затем я тебе все объясню. Но я буду несколько расстроен.

– Для того чтобы принять наказание за то что я расстроила Ваше Величество у меня будет вся ночь и все утро. – Хикэри поднялась с колен.

– Хикаро, ты действительно хочешь этого? – На лице Хикэри застыло выражение непонимания. Спор шел уже более получаса. – Ты хочешь залить континент кровью? Прошу, владыка, откажись от своей безумной затеи.

– А ты предлагаешь мне что-то другое? – император недовольно кивнул на заваленный документами стол.

– Что угодно, только не массовое применение ядерного оружия, не эти гекатомбы! Или ты хочешь насытить Люцифера? Этого не получалось и у... других...

– Что, хочешь сказать, что с этой задачей не справились и более сильные автократоры? – с насмешкой спросил Хикаро. – Ничего и именно поэтому я буду действовать так, как собираюсь, и ты не помешаешь мне.

– Я не хочу тебе мешать. Ты же знаешь, что я всегда буду на твоей стороне, – с болью в голосе проговорила принцесса.

– Знаю. Ты – самый близкий мне человек. – Согласился император. – Только с тобой я могу не притворяться и именно от тебя я ожидаю одобрение моих замыслов. От тебя единственной, – с нажимом закончил он.

Император подошел к шкафу, открыл его и достал большую бутылку с вином и два пузатых цветных стеклянных бокала, привезенных из Ирана.

– Но я не могу поддержать этот кошмар. И никогда его не поддерживала. Ты, я навела справки у наших военных, талантливый военный и одаренный командир и ты можешь обойтись без массового убийства мирных жителей, но продолжаешь вести себя как маленький ребенок, затаивший обиду на весь мир!

– Так ведь я же, как сказала демократическое SNN – Зло во плоти. Забыло об этом? Ты ведь тоже чудовище, пьющее кровь невинных младенцев. – Он с усмешкой указал на бокал. – Кстати, вино так и называется.

– Кровь младенцев?

– Кровь невинных.

Хикэри пораженно посмотрела на бокал в своих руках.

А этой, между прочим, уже почти сотня лет. Последняя оставшаяся в моих погребах «Кровь невинных», я берегу ее для особого случая. – Он вздохнул. – Надеюсь, если честно, что в этот момент мы не будем ругаться, словно враги.

Понимаешь, базовое противоречие мирового развития упирается в пропорцию «численность населения все время растет, численность ресурсов все время снижается». Даже если еще сейчас не будет в ближайшие десятилетия достигнута критическая масса, она будет достигнута в перспективе все равно. Уже сейчас почти миллиард из четырех недоедает. Постепенно данная проблема будет только усугубляться.

И прими во внимание, что чем выше поднимается человек по лестнице управления и власти в рамках государства, тем меньше на него действуют классические принципы морали и нравственности принятые на обывательском уровне. При этом речь не идет о девиациях или «особых» пристрастиях, а речь идет об отношении к человеческой жизни. Ибо то, что для одной семьи смерть одного члена – трагедия, то в масштабах государства не более чем статистический факт. Более того, в рамках этой логики смерть может быть использована как один из политических механизмов, для проведения своих интересов.

Учитывая вектор развития мировой политики все равно на текущем историческом этапе человечеству необходимо:

– консолидировать планетарную систему управления, трансформировав её в некий монолит, а не тот рыхлый конгломерат, который имеется сейчас. Что послужит основой – имперская ли форма, диктатура, которая может принять как форму условного «латиноамериканского социализма со свободой мелкого предпринимательства», так и национализма типа Атлантического Союза, или псевдодемократии как в США с опорой на крупный капитал. Все равно задача формирование единой государственной общности – не так принципиально, на самом деле на базе кого. И в том и другом случае, часть населения пойдет под нож в том или ином виде.

– Решить задачу по продолжению развития и переходу к космической экспансии, а также ускорению исследований в области освоения океана или недр земли – да даже Антарктиды! – на принципиально ином уровне можно только лишь создать макроструктуру, в которой концентрация ресурсов на единицу будет максимальной. А для этого требуется освободить пресловутую ресурсную базу. В противном случае темпы прироста населения в мировом масштабе уничтожат оставшуюся ресурсную базу существенно быстрее, чем её получится реализовать, дабы вырваться за пределы текущего ареала обитания человека.

Абсолютно не важно, в рамках исторического процесса, какое государство будет это делать. Любое государство, которое захочет сделать этот макропроект и вырваться из текущей песочницы будет обречено на «сложные» решения, которые чем дальше затягивается по времени, тем более свирепо и антигуманно будет проходить в будущем.

И да, любое государство решившееся на это неизбежно рискует стать драконом, в этом и трагедия, и шансы человечества на продолжение развития.

– В какой момент мы станем драконом? – голос Хикэри дрогнул.

– В момент, когда я попрошу тебя стать Императрицей России.

Она ахнула и едва не выронила бокал.

– Если ты так хочешь купить мое согласие... – невпопад прошептала она.

– Не глупи, – перебил ее император. – Мне твое согласие ни к чему. Я не изменю решения: все враги Альянса проклянут тот день, когда они пошли на войну с нами.

– Тогда...

– Почему? Я, кажется, уже сказал: ближе тебя у меня нет никого.

– Я... это так неожиданно, – бокал в ее руках задрожал. – Мне нужно время... подумать.

– Нет времени. Да, или нет?

Император заглянул ей в глаза и в них увидел ответ. Он дал девушке то, чего она хотела больше всего, и сердце Хикэри принадлежало ему.

– Я согласна.

Император подошел к ней и нежно поцеловал в губы.

– Хорошо. – Шепнул он на ухо Хикэри. – Мы объявим о твоём восшествии на престол императрицы России на следующий день после того как храмы объявят тебя императрицей Ямато – а свадьбу отпразднуем в Дмитриевском Соборе Владимира.

Твоя коронация как императрицы России пройдет в Успенском Соборе.

Бокалы звонко стукнулись, расплескивая драгоценное вино, чьи капли, такие же алые, как кровь, упали на каменный пол, знаменуя собой новый союз.

Из горлышка забулькало густое золотое вино. Император узнал его ароматную сладость.

– Это васпураканское, из погребов Католикоса Армении, – заметил он.

Хикэри сделала глоточек, подняла бровь.

– Да, вино превосходное – сладкое и в то же время терпкое. Она глотнула еще.

– За тебя, моя принцесса. – Олег поднял кубок.

– И за вас, ваше величество. – Хикэри повторила его жест с такой энергией, что несколько капель брызнули на белоснежную скатерть. Глядя на расплзающееся пятно, она расхохоталась. – Я просто подумала, что на нашей свадьбе никто не станет искать на простыне пятен крови.

Он обнял принцессу.

– Дай я хоть кубок поставлю.

Гладкая, горячая кожа Хикэри под его ладонью...

– Так ты, значит, все это время спал в гордом одиночестве? – в глазах Хикэри светилось лукавство.

– Именно.

– Докажи.

Император зашипел сквозь зубы.

– Да как я, интересно...

Как именно, он понял на середине фразы. В четыре шага он подошел к двери, захлопнул ее, запер, так же торопливо вернулся и стиснул ее в объятьях. Их губы сомкнулись...

Потом, значительно позже, Хикэри прошептала:

– Слезь с меня. Пол тут хоть и теплый, но твердый. А мозаика у меня, наверное, на спине отпечаталась.

Она перекинула через него ногу и откатилась в сторону.

– Так и есть, – заметил он.

– Вот и мне так показалось, – мрачно согласилась Хикэри. Но изобразить раздражение ей не удалось. – Я и не ожидала, что твое доказательство будет таким... бурным.

– Это? – Олег картинно поднял брови. – После столь долгого воздержания – это только начало.

– Хвастун, – ответила она, не отрывая от него глаз. Потом взгляд опустился, а брови взлетели. – Это еще что? – Она протянула руку, пощупать, что это там. Это последовало примеру бровей.

– Не подождет вторая часть доказательства, пока мы не доберемся до спальни? – осведомилась Хикэри, прежде чем они вернулись к прерванному занятию. – Там будет удобнее.

– Верно, – согласился император. – Почему бы нет?

Большой дворец

Спальня Императора

Когда они вновь оказались за надежно запертой дверью, мелочи перестали беспокоить императора.

Здесь все успокаивало, Хикэри не сдержалась и улыбнулась.

– Я рад, что тебе здесь нравится, – услышала она его голос.

Принцесса повернулась. Он снова был самим собой. И она так обрадовалась, что бросилась к нему и крепко его обняла.

– Мой Хикаро, – прошептала она и прижалась к нему.

– Я напугал тебя.

Что это? Голос его – это голос искренне расстроившегося человека?

– Честно – да. Ты... – Хикэри подбирала слова. – Ты в... м-м... обличье владыки Альянса и повелителя России и Японии слишком... непереносимо сияешь Властью.

– Сияю? – усмехнулся он. – Но я не хотел пугать тебя.

– Знаю. Верю. Но этому невозможно сопротивляться.

Он выглядел чертовски требовательным. Властным.

Его глаза скользнули вниз. Новая волна возбуждения охватила ее, мягко пульсируя в такт с биением сердца. И она поняла, что рада Его господству.

Скоро все его силы, весь его самоконтроль, вся его мужественность будут направлены на ее удовольствие. И от одной лишь мысли об этом, она покраснела и почувствовала слабость. А ведь он еще даже не прикоснулся к ней.

Пока она раздевалась, он отвернулся, чтобы открыть несколько ящиков, расположенных за его спиной. Положив что-то, что именно она так и не увидела, в карман своих брюк, он повернулся обратно к ней, держа в руках нечто длинное, блестящее и золотое.

Когда он приподнял это, она разглядела солидную золотую цепочку, с подвеской из рубина в форме сердца. Красивая. Потрясающая. Без сомнения, украшение было слишком крупным, чтобы оказаться браслетом. Но и слишком коротким, чтобы обвившись вокруг шеи, подвеска разместилась в ложбинке между грудей.

Что он задумал?

– Надев это, ты дашь свое согласие быть моей. Только моей. В сексуальном плане, ты будешь делать все, что я скажу, когда, как и где я скажу. Как только ты примеришь это украшение на себя, в твоем лексиконе исчезнет такое слово, как «нет». Вместо него, твоим постоянным ответом будет вежливое: «Да, Повелитель».

Он прикоснулся рубиновым кулоном сначала к одной обнаженной груди, затем к другой. Холод камня, изобилие ощущений, вызвали у Хикэри трепетный вздох.

– Можешь говорить. Разрешаю задать мне все интересующие тебя вопросы, прежде чем ты дашь свой ответ.

Принадлежать ему? Сегодня и до конца жизни? Наверное, именно это он и имел в виду. Хикэри облизала сухие губы. Она была возбуждена до предела, и нуждалась в нем. Какие уж тут разговоры.

– У меня нет вопросов, Император. Я хочу принадлежать вам.

У него резко участился пульс. Он сглотнул. По всей видимости, эти слова что-то значили для него, и тот факт, что он не смог скрыть свою реакцию, тронул ее сердце.

– Я тоже хочу этого, моя принцесса.

Его взгляд одновременно выражал соблазн и восхищение.

Ладони вспотели, Хикэри хотелось сжать бедра вместе, чтобы облегчить сладкую, тянущую боль, которую он вызывал...

– Ты понимаешь, что, когда я надену это на тебя, ты станешь моей, и я смогу любить тебя, когда захочу?

Да. Хорошо. Скорее. Ожидание убивает.

Она быстро кивнула.

– Ты знаешь, что твое тело будет принадлежать мне?

Она вновь кивнула.

Ничто неизведанное или любая идея, которая придет ему в голову, не остановит меня.

Видит Бог, лишь одними своими словами он пробуждал к жизни ее самые тайные фантазии, разрушая запреты и внутренние барьеры.

Она стрельнула в него пристальным взглядом, ее соски стали твердыми как бриллианты.

– Да, мой император.

– Я позабочусь о тебе. Доверься мне, чтобы познать свои фантазии и воплотить каждую из них в реальность. Доверься мне, чтобы понять, когда тебе просто требуются мои объятия.

Укрыться в его объятиях? Словно он, что? Поддерживает ее? Любит? Он говорил так, будто мысленно заглядывал в будущее, намного дальше сегодняшней ночи. Или подразумевал, что так будет всегда...

– Понятно?

Его голос был мягким, но от этого не менее требовательным.

Не очень.

Но она слишком сгорала от нетерпения, чтобы спрашивать.

– Да, мой повелитель.

Не говоря больше ни слова, он встал позади нее и застегнул драгоценную подвеску на её шею. Цепочка облегла шею словно ошейник, плотно, но не стягивая. А рубиновый кулон расположился во впадинке у основания горла, быстро нагреваясь от её кожи.

– Она прекрасно на тебе смотрится.

Нежно проводя пальцем по ее коже, Хикаро очертил контур кулона. Его глаза ни на секунду не отпускали ее. Он даже не моргал. В его взгляде отражался целый мир обещаний и греховного превосходства.

Хикэри видела императора с разных сторон: злого, спящего, защищающего, возбужденного. Но он еще никогда не представлял перед ней таким непреклонным собственником.

Во рту пересохло. Теперь все, что ей нужно было сделать, это доверить ему своё удовольствие. Ей хотелось спросить, что он запланировал для нее, для них. Но она знала, что это запрещено. Ей нужно довериться ему.

Затаив дыхание и застыв на месте, терзаемая ожиданием, она ждала.

– Закрой глаза.

О, что же он задумал?

Не имея возможности видеть, что он делает... Хикэри не была уверена, что выдержит. Но вес колье на шее напомнил ей, что она сама дала согласие на это.

Нахмутив брови, Хикаро дал понять ей, чтобы она воздержалась от дальнейших колебаний.

Сердце забило быстрее, и она, наконец, прикрыла веки, скрываясь от него и всего того, что он, по ее мнению мог задумать. Мгновение спустя на ее лицо лег кусочек чего-то мягкого и шелковистого. Император расправил это на её глазах, после чего завязал на затылке. Повязка.

Она сглотнула.

Боже мой, он хочет, чтобы она прошла через это, ничего не видя, полностью доверившись ему.

Хикэри сделала глубокий вдох, морально готовясь к тому, что последует дальше. Она справится, даже не смотря на то, что ей придется игнорировать, свой бешено стучащий пульс. Ей нужно сначала просто поверить в то, что она все выдержит.

Хикаро наклонился ближе.

Приблизившись, она почувствовала его тепло, его запах. Все это успокоило ее.

Его губы легко накрыли ее, напоминая своей нежностью мягкий шепот. Райское блаженство, пришедшее с запретным возбуждающим скольжением его языка. Она легла на кровать.

Расслабившись, она выгнула шею, надеясь получить от него еще больше поцелуев. Вместо этого она почувствовала, как его пальцы обхватили ее правое запястье. Он поднял ее руку, двигая ее на несколько дюймов вправо.

Через мгновение, вокруг своего запястья, она ощутила холодный металл, после чего послышался щелчок. Не давит... но и не поддается. Не дает пошевелить рукой.

То же самое император повторил и с другим запястьем.

После, он таким же образом сковал ее лодыжки, пристегнув их с каждой стороны стола. В итоге, ее колени оказались согнуты, а бедра широко разведены.

– Время пришло, – сказал он, – и я уверен, после справедливой доли наказаний, ты научишься доверять мне в полной мере.

Слабая нотка порицания в его голосе, заставила нервно сжаться ее внутренности. Даже без слов, она уже знала, что в скором времени будет наказана. Но, тем не менее, резкий шлепок рукой по животу стал для Хикэри потрясением. По ее телу прошла вибрация, сосредоточившаяся внизу живота... Отодвигая в сторону тревогу, желание моментально заполнило ее разум, принося с собой дикую жажду, сжигающую тело и концентрирующуюся между ее ног.

По всему телу, распространился чувственный жар. Удовольствие и боль стали неотделимы друг от друга. Возбуждение внутри все нарастало, постепенно задушив голос рассудка.

Из горла девушки вырвался стон, сломивший ее сопротивление, и заполнивший тишину между ними.

Он уходит?

Смятение охватило ее, и она попыталась бороться с оковами на запястьях и лодыжках.

Затем, звук по-военному четких шагов, подсказал ей, что он вернулся.

– Ты никуда не уйдешь. Так же как и я, – произнес он, положив свою горячую ладонь на её живот.

Его прикосновение было подобно раскаленному клейму, обещая еще больше, давая клятву сделать её полностью своей. Хикэри успокоилась и испытала невероятное облегчение.

Язык Хикаро оставил мокрый след на ее набухшей груди. Кончиком пальца, он очертил контур соблазнительных вырезов на ее бюсте, нежно обводя чувствительную плоть вокруг ореолы.

Хикэри выгнулась, приглашая его, но он проигнорировал это.

– Твои соски темно-розовые, – прошептал он, опаяя горячим дыханием одну из напряженных бусинок.

– Когда ты возбуждаешься, они приобретают такой милый оттенок.

Мужчина дерзко дразнил ее, почти касаясь губами ее груди, пока его палец рисовал прихотливые узоры на ее груди, то опускаясь к животику, то вновь поднимаясь.

Её грудь была напряжена до предела и кричала ему, что нужно сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить неумолимое желание, требующее разрядки.

– Сегодня я хочу узнать, насколько темными могут стать эти прелестные сосочки.

Прежде чем она успела понять, что это означало, его язык скользнул по твердому бугорку один раз, затем второй. Он проделывал это неторопливо, заставляя ее сердце беспорядочно биться.

Хикэри застонала, она не сомневалась в том, что он намеренно убивал ее своей неспешностью.

Мужчина безжалостно всосал острую вершинку, словно умирал от желания съесть ее. Его зубы оставили отметины там, где до этого были его обжигающие губы. Волна удовольствия смешанного с болью взорвалась ощущениями в её груди, волнами расходясь по всему телу, и разгораясь яркой вспышкой между ее ног.

Она ахнула.

В ответ, он еще жестче укусил ее сосок и начал посасывать его еще интенсивнее. Новая боль пронзила ее своими ледяными уколами, заставляя сжаться и без того, твердые вершинки.

Она захныкала. Но последовавшее за этим удовольствие, было шокирующим и изысканным. Мгновение спустя, Хикэри почувствовала как его пальцы, начали крутить другой сосок. Он ущипнул ее за твердый бутон, чем вырвал еще один стон из ее груди. Сильно потянув, он в эту же секунду укусил ее за второй сосок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.